

АНАСТАСИЯ АРГУНОВА

ТЕНЬ
СИЛЬВАРИСА

18+

Анастасия Аргунова
Тень Сильвариса

«Автор»

2026

Аргунова А.

Тень Сильвариса / А. Аргунова — «Автор», 2026

Нимаэль была ребёнком, когда мир её предал. Заперли за то, что в ней жило: огонь, который она не могла контролировать, и земля, которая слушалась её боли. Она жила в заточении, где не было ни неба, ни времени. Нимаэль могла бы сдаться и исчезнуть — но вместо этого стала сильнее. Она прожила века чужими жизнями, видела мир глазами тех, кого давно нет. И каждый пережитый опыт делал её сильнее. Она вырвалась на свободу сама. Научилась направлять стихии. И встретила того, ради кого захотелось не просто выживать — а жить. Но тень того, кто однажды её сломал, всё ещё рядом. Скоро ей придётся решить, чем всё закончится.

© Аргунова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Падение дома семьи Лиантар	5
Глава 2. Голос предательства	8
Глава 3. Крыса которая спасла мне жизнь	11
Глава 4. Красный лес	15
Глава 5. Голос из земли	17
Глава 6. Тихая симфония спасения	19
Глава 7. Тени, которые мы разделили	24
Глава 8. Путь, где говорят ощущения	28
Глава 9. Первый год. Ритм четырех сезонов	33
Глава 10. Пламя и лозы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анастасия Аргунова

Тень Сильвариса

Глава 1. Падение дома семьи Лиантар

Я бежала по дворцовому саду, раскинув руки, будто хотела обнять весь мир — и, может быть, удержать его таким: золотым, живым, бесконечно прекрасным. Бабочки кружились вокруг, их крылья вспыхивали оттенками заката — алым, янтарным, расплавленным золотом, — и мне казалось, что если я поймаю хотя бы одну, то смогу забрать с собой кусочек этого света. Я смеялась, кружилась, ловила их и тут же отпускала. Мне нравилось не владеть ими, а видеть, как они снова взмывают вверх, становясь частью этого золотого воздуха.

Ветер ласкал кожу, щекотал щёки, путал волосы, заставляя их виться и развеиваться, словно у меня за спиной выросли крылья. Я чувствовала себя такой свободной, такой настоящей — будто весь Сильварис, древний город высших эльфов, шептал мне: «Ты здесь. Ты дома. Ты прекрасна».

В этих стенах, сложенных из светлого камня и увитых серебряной лозой, даже воздух казался особенным — чистым, звенящим, будто сотканным из музыки.

Бабочка на лепестке казалась крошечным фонарём. Я присела на корточки и замерла, чтобы не спугнуть её..

Где-то в глубине дома уже накрывали на стол. Матушка наверняка поглядывает на часы и вздыхает: «Ну вот, опять. Опять эта девочка забыла, что мир не будет ждать её».

Я почти слышала этот вздох и тихий, но твёрдый голос: «Если опоздаешь, сядешь в конце стола, и никто не положит тебе пирог первой».

Но я не хотела слышать это сейчас. Пусть мир подождёт ещё немного. Пусть матушка подождёт.

Сегодня мне хотелось просто посидеть здесь, пока все вокруг остаётся золотым.

А потом золото начало таять. Сначала потемнели листья, потом погасли крылья. Бабочки стали серыми и исчезали в темноте, будто их и не было.

Я подняла голову. Сад расплывался в сумерках, знакомые дорожки терялись в тенях.

И тут я поняла: я не просто опоздала. Я потеряла тот момент, когда ещё можно было вернуться и сказать: «Прости, я больше не буду».

— Ну вот, — вздохнула я, вставая и отряхивая подол платья, усыпанного лепестками. — Теперь матушка точно будет недовольна. Но я быстро! Я ведь знаю все тайные коридоры, по которым можно проскочить мимо её покоев...

Я уже собиралась броситься к дворцу, когда тишину сада разорвал крик.

Один. Резкий. Чужой.

А потом ещё один. И ещё. Голоса слились в единый, невыносимый гул, который заполнил собой весь дворец. Я застыла, чувствуя, как сердце, только что порхавшее, как бабочка, теперь бьётся где-то в горле, тяжёлое и испуганное. Страх накатил волной, ледяной и солёной, как шторм, которого я никогда не видела, но вдруг вспомнила всем своим существом.

Крики звучали повсюду. Казалось, даже деревья шептали что-то тревожное, а ветер, ещё недавно такой ласковый, теперь толкал меня в спину, подгоняя к чему-то страшному. Я огляделась, ища хоть что-то знакомое, хоть кого-то, кто скажет мне, что всё в порядке. Но сад, который я знала до последнего лепестка, вдруг стал чужим и враждебным.

Единственное, что пришло мне в голову, — то самое место, где я всегда пряталась, когда играла в прятки со служанками. Густые кусты у старой беседки. Немного колючие, но такие

уютные. Я бросилась туда, вжимаясь в колючки, пряча лицо в зелень. Казалось, будто листья могли защитить меня от того, что происходило вокруг.

Послышались шаги. Тяжёлые, уверенные, чужие. Множество ног, пересекающих двор, ломающих цветы, топчущих дорожки, по которым ещё час назад я бегала босиком. Я закрыла глаза, прижимая ладони к ушам, но крики всё равно проникали внутрь, царапая слух, заставляя тело дрожать.

И вдруг среди этого хаоса прозвучало моё имя:

— Нимаэль?!

Голос был знакомым. Тёплым. Родным. Это был Лиамар. Верный страж и советник моего отца. Тот, кто всегда улыбался мне, приносил яблоки и говорил, что я — будущая хранительница Сильвариса. Тот, кто носил меня на плече и кружил на руках. Я выглянула из кустов, всматриваясь в полумрак, и увидела его. Лиамар стоял, широко расставив руки, будто собирался обнять меня, спрятать от всего этого ужаса.

Радость вспыхнула в груди, прогоняя страх. Он спасёт меня! Он отведёт к родителям, и всё станет как прежде: матушка будет ворчать изза опоздания, отец улыбнётся, а Лиамар тихо скажет, что в следующий раз мне лучше не убегать так далеко.

Я выбежала из укрытия и бросилась к нему, протягивая руки.

— Лиамар! — хотела крикнуть я, но голос застрял где-то внутри, будто его схватили и сжали невидимой рукой.

В тот момент, когда я почти добежала до него, чья-то грубая рука схватила меня сзади. Что-то тяжёлое и тёмное накрыло голову, лишая зрения, воздуха и самого ощущения реальности. Мешок. Грубая ткань пахла пылью и мокрой землёй. Я попыталась закричать, вырваться, ударить, но тело будто окаменело. Я не могла пошевелиться. Не могла издать ни звука.

Почему? Почему я не могу сопротивляться? Почему не могу закричать?

Меня волокли. По коридорам дворца, по чему-то мокрому и липкому. Мешок намок, и странная горячая жидкость просочилась сквозь ткань, обжигая кожу. Запах железа. Он стал невыносимым, въедаясь в ноздри, заставляя желудок сжиматься от тошноты. Я поняла - это кровь. Чья-то кровь. Но не моя. Я была цела, но всё вокруг умирало.

Меня тащили вверх по лестнице сквозь крики и звуки мечей. Каждая ступень отдавалась ударом по телу, но я всё так же не могла закричать. Будто что-то неведомое лишило меня голоса, сковало горло невидимыми цепями.

Наконец, раздался звук открывающейся двери — протяжный, скрипучий, будто сам дворец стонал от боли. В нос ударил запах плесени и сырости, затхлый, тяжёлый, незнакомый. Я никогда не чувствовала такого запаха во дворце, хотя обошла его полностью тысячу раз, играя в прятки. Это место было чужим. Запретным.

Меня швырнули вперёд. Тело пролетело несколько шагов, и только стена остановила падение. Я упала, чувствуя, как острые камни царапают кожу сквозь тонкую ткань платья. Дверь захлопнулась с глухим стуком, и шаги, удаляясь, растворились в тишине.

Я осталась одна.

С трудом стянув с себя мешок, я огляделась. Слабый свет коридорной свечи пробивался сквозь решётку, выхватывая из темноты голые стены, кучу засохшей листвы в углу и сломанные кандалы, торчащие из камня. Камера была маленькой, сырой и мёртвой.

Я подползла к двери, прижалась к холодному металлу, вглядываясь в узкую щель, где мерцал свет. Я ждала, что кто-то появится. Что Лиамар вернётся и спасет меня. Что мои родители сейчас придут и заберут меня домой.

Но никто не пришёл.

Только тишина отвечала мне. Тяжёлая и равнодушная.

Я села у двери, подтянув колени к груди, и заплакала. Слезы катились по щекам, смешиваясь с пылью и чужой кровью, оставляя на коже солёные дорожки. Я плакала долго, пока силы не покинули меня, а мир не начал расплываться перед глазами.

И когда я наконец закрыла глаза, Морфей принял меня в свои объятия, обещая хотя бы во сне вернуть тот сад, где бабочки сияли, как закат, а страх ещё не знал моего имени.

Глава 2. Голос предательства

Когда я открыла глаза, первой ко мне пришла не боль и не сырость, а надежда — тонкая, трепетная, как крыло той самой бабочки, которую я вчера так старательно разглядывала. Она шептала: «Это был сон. Просто дурной, тяжёлый сон. Сейчас ты встанешь, отряхнёшь платье от лепестков, и побежишь к матушке, а она, ворча, обнимет тебя и скажет, что нельзя так пугать семью».

Я резко села, оглядываясь, и надежда рухнула вниз, разбившись о серые стены. Всё было по-прежнему: тот же запах плесени, уже вьевавшийся в кожу, та же тишина, тяжёлая и густая, будто её можно было потрогать. Но теперь, при свете, который редкими тонкими нитями пробивался сквозь узкие щели высоко под потолком, я смогла разглядеть свою тюрьму куда яснее. Лучи падали на пол косыми полосами, выхватывая из темноты трещины в камне. Пятна сырости, похожие на расплывшиеся чернила, и пыль, которая висела в воздухе и медленно опускалась, словно пепел после пожара. Стало ясно: наступил новый день. Не тот, что я помнила по саду, залитому золотом, а чужой, серый, безжизненный.

Слёзы снова навернулись на глаза — тяжёлые, горячие, выжигающие изнутри. Сначала я пыталась сдержать их, стискивая зубы, но они прорвались вместе с тем, что копилось в груди с той самой секунды, когда мешок накрыл мою голову.

Я закричала.

Звук вырвался из меня не как обычный крик, а как вопль, в котором слились весь ужас и вся обида. Он был пронзительным, оглушающим, таким, будто сама тишина, царившая в этой камере, не выдержала и треснула. Крик сменялся рыданиями, рыдания — снова криком, и истерика становилась всё сильнее, сотрясая меня до самых костей. Казалось, что каменные стены содрогнулись, отзываясь на мою боль.

— Мама! Папа! — звала я, выкрикивая тех, кто должен был защитить меня, кто должен был быть рядом. Но вместо их шагов в коридоре прозвучали другие — спокойные, неторопливые, уверенные.

Дверь скрипнула, и на пороге появился Лиамар.

Я подняла на него заплаканные глаза, ожидая увидеть ту самую тёплую улыбку, которую знала всю жизнь. Но её не было. Вместо неё на его лице застыла другая улыбка — нежная, но пугающая, будто маска, натянутая поверх чего-то тёмного. Она была хитрой, насмешливой, почти безумной.

Он вошёл в камеру и опустился на одно колено, чтобы наши глаза оказались на одном уровне — это движение казалось почти уважительным, но от него веяло угрозой.

— Ну, здравствуй, Нимаэль, — произнёс он, чуть склонив голову, словно приветствовал не пленницу, а гостью, которую сам пригласил. — Нравятся новые покои, малышка?

Я смотрела на него, не понимая. Как этот эльф, который столько раз спасал меня от пчёл, который приносил мне яблоки и шептал, что я стану великой правительницей, мог говорить такие слова?

— Я не понимаю... Лиамар, что происходит? Почему ты...

Он не дал мне договорить. Его улыбка стала шире, а в глазах мелькнуло что-то холодное, расчётливое.

— Мне осточертело служить семье Лиантар, — произнёс он тихо, но каждое слово звучало как удар. — Каждый день видеть эту вашу радость, эти улыбки, эти бесконечные праздники, пока мой родной дом тонул в долгах и умирал от голода. Пока вы тут жили в золоте, моя семья боролась за каждую корку хлеба. И я решил, что пришло время восстановить справедливость.

Он обвёл рукой камеру, будто демонстрировал не тюрьму, а новое владение.

— Всё, что было вашим, — продолжил он, — теперь принадлежит мне. Ваши богатства, ваш дворец, ваша власть... и даже эта камера — теперь мои владения.

Слёзы снова хлынули из моих глаз, но теперь к ним примешивалась жгучая боль предательства. Я смотрела на него и не могла поверить, что столько лет доверяла ему, любила его, как брата.

Лиамар чуть наклонил голову, будто прислушивался к собственному голосу, и вдруг заговорил тише, почти доверительно — и от этого становилось только страшнее.

— Знаешь, Нимаэль, мне было... приятно, — произнёс он, и в его голосе скользнуло что-то похожее на удовольствие, будто он вспоминал какой-то особенно удачный день на охоте. — Приятно видеть, как угасает сила твоего отца. Он ведь всегда смотрел на меня сверху вниз, даже когда улыбался. Считал меня просто надёжным клинком, инструментом. А в тот миг, когда мой меч вошёл в его грудь, я наконец почувствовал себя выше него. Впервые в жизни.

Я задрожала, не в силах поверить, что слышу это. Перед глазами вспыхнули картины, которых я не видела, но которые теперь словно врезались в память: отец, стоящий гордо и прямо, и этот миг, когда его свет погас.

— А твоя мать... — Лиамар с блаженством чуть прищурился, будто заново видел ту сцену. — Она бросилась к нему, кричала, пыталась закрыть его собой, будто её хрупкие руки могли остановить мою сталь. Такая отчаянная, такая беспомощная... Всего один удар... Ты знаешь, она так быстро падала вниз по лестнице. Слишком быстро. Но даже тогда, мне показалось, что это было грациозно. В духе твоей матери. И знаешь, что я почувствовал в ту секунду? Облегчение. Наконец-то дом Лиантар перестал сиять. Наконец-то эта невыносимая правильность, эта безупречность рассыпалась в пыль. Мне стало... хорошо. Очень хорошо. Будто с плеч свалилась тяжесть, которую я носил годами.

Каждое его слово входило в меня, как осколок льда. Я сжимала пальцы, впиваясь ногтями в ладони, лишь бы не закричать снова, лишь бы удержать внутри эту новую, ещё более страшную правду.

— Тебя оставили в живых не просто так, — добавил он, чуть наклонив голову, будто изучал меня, как редкий предмет. — Ты ещё можешь оказаться полезной.

В этот момент в камеру вошёл стражник, неся грубо сколоченную деревянную тарелку с остатками требухи и кувшин с мутной, грязной водой. Он поставил их на пол у моих ног и молча вышел.

Лиамар кивнул на еду.

— Тебе перепал этот дивный обед лишь потому, что наши псы отказались это есть. Ну, не пропадать же добру.

Мой желудок тут же отозвался позывом тошноты, и я отвернулась, не в силах смотреть на эту мерзость.

— Забудь о своей прекрасной прошлой жизни, Нимаэль, — посмеиваясь, продолжил Лиамар. — Теперь ты узнаешь, каково это — жить в нужде, пока другие купаются в роскоши. Именно так жила моя семья, пока ваша процветала.

Он протянул руку и взял меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. Его прикосновение было не грубым, но от этого становилось ещё страшнее — оно было слишком спокойным, слишком уверенным.

— Знаешь, я никогда не врал насчёт твоей красоты, — произнёс он с той же пугающей улыбкой. — И, возможно, когда ты достаточно повзрослеешь, ты станешь невероятно красивой. И если будешь хорошей девочкой... кто знает, может, я возьму тебя в жёны. А сейчас ты — просто жалкая девчонка восьми лет, которая ни на что не годится.

Его слова ударили меня сильнее любой пощёчины. Я зажмурилась, пытаюсь спрятаться от этой реальности, но запах сырости, холод камня и тяжесть предательства никуда не исчезали.

Когда он наконец отпустил мой подбородок и поднялся, я услышала его последние слова, брошенные уже у двери:

— Привыкай, Нимаэль. Это теперь твой дом.

Дверь захлопнулась, и замок щёлкнул, отрезая меня не только от свободы, но и от той девочки, которая ещё вчера ловила бабочек в саду.

Глава 3. Крыса которая спасла мне жизнь

Дни сливались в один бесконечный серый комок. Я перестала считать их — счёт только напоминал, сколько раз рассвет обманывал меня надеждой. Вместо этого я научилась замечать другое: как скрипит плита у двери, когда приходит утренний стражник; как по пятну сырости на стене ползёт плесень — будто сама камера пытается что-то мне написать.

Я наблюдала за стражниками, как зверь в клетке наблюдает за охотниками. Запоминала их привычки: у одного вечно болтался ключ на шнурке, у другого была привычка потирать шею, будто воротник душил его; третий, самый молодой, иногда смотрел на меня не как на мешок с костями, а как на эльфийку — и тогда я отворачивалась, чтобы не дать себе поверить, что хоть кто-то может пожалеть меня. Они сменялись, как листья осенью: одни опадали, другие появлялись, но суть оставалась прежней. Каждый приносил грубо сколоченную тарелку с требухой и кувшин с мутной водой. Еда пахла горечью и отчаянием.

Сначала я пыталась отказываться. Просто отодвигала тарелку, сжимала зубы и смотрела в стену. Тогда стражники били меня. Не сильно, чтобы не убить, но достаточно, чтобы тело надолго запомнило: неповиновение — это боль. Раны никогда не заживали до конца. А потом наказывали голодом. Дни без еды тянулись дольше, чем любые другие. Желудок сворачивался в тугой узел, а разум начинал подкидывать картинки: тёплый пирог с яблоками, чашка молока, мамина рука, которая гладит меня по волосам. Эти воспоминания были одновременно спасением и пыткой. Я цеплялась за них, как за верёвку над пропастью: если отпущу — сойду с ума.

Зимы были хуже всего. Холод не просто пробирал до костей — он жил во мне, становился частью меня. Он проникал под кожу, заставлял мышцы ныть, а кожу покрываться язвами, будто сама зима хотела оставить на мне свои метки. Мне казалось, что холод — это не воздух, а живое существо, которое кусает меня изнутри. В такие вечера я сворачивалась в комок у стены, прижималась к камню, надеясь, что он отдаст хоть каплю тепла. Но камень был таким же холодным, как всё вокруг.

И тогда я придумала способ справляться с этим. Не настоящий, не по-взрослому, а детский, хрупкий, но он держал меня на плаву. Я закрывала глаза и представляла, что матушка рядом. Что она укутывает меня в тёплый плед, поправляет прядь волос и поет колыбельную:

*«Матушка тихо тебя качает,
Как ласкает волна берега.
Камень помнит, и ветер знает —
Ты древней силой одарена.
Если тьма сгустится над миром,
Вспомни шёпот старинных лесов:
Сила дремлет под тонким покровом,
Но проснётся среди сумрачных слов.
Закрой глаза — пусть сон укроет,
Лоза сплетёт тихий, нежный узор.
Ты сильнее, чем ночь это скроет,
И светлее, чем думает мир.»*

Я повторяла эту колыбельную, как заклинание, пока зубы не переставали стучать. Иногда мне казалось, что я чувствую её запах — лёгкий аромат сирени и мёда, который всегда витал вокруг неё. Это было ложью, конечно. Но ложь, которая спасала.

А ещё были пауки. Они заползали в камеру по ночам, шуршали в углах, прятались в трещинах и выползали, когда я уже почти засыпала. Их вид сводил меня с ума: длинные тонкие лапы, блестящие глаза, огромные клыки, которые, казалось, щёлкали, предвкушая укус. Они кусали меня — не больно, но мерзко, противно, как будто их яд был не физическим, а

душевным. Я вздрагивала от каждого шороха, вжималась в угол, закрывала голову руками и шептала: «Уходите, уходите, пожалуйста». Страх перед ними был таким огромным, что иногда мне казалось, будто он заполняет всю камеру, вытесняя даже холод.

Были дни, когда я хотела сдаться. Просто закрыть глаза и больше не открывать их. Когда борьба за ясность разума казалась бессмысленной: сколько ни цепляйся за воспоминания, ни повторяй мамины слова, мучения всё равно продолжались. Изю дня в день одно и то же: холод, боль, пауки, требуха, тишина, которая давила сильнее крика. В один из таких дней, когда силы окончательно покинули меня, в камеру пробралась крыса.

Она не бросилась на меня, не зашипела, не оскалилась. Она просто подошла — достаточно близко, чтобы я увидела её маленькие блестящие глаза и дрожащие усы, — и остановилась. Смотрела на меня, пока я тихо плакала, лёжа на горе сухих листьев, которые давно превратились в прах и пыль. В её взгляде не было злобы, только любопытство. И это любопытство вдруг дало мне крошечный глоток воздуха. Я швырнула ей кусок требухи.

С тех пор она стала приходить каждый день. Я разговаривала с ней, рассказывала ей о саде, о бабочках, о том, как раньше бегала по тайным дорожкам, чтобы матушка не ругала за опоздание. Я продолжала делиться с ней частью требухи — той, что хотя бы не вызывала тошноту. Она не отвечала, конечно, но мне казалось, что она слушает. И этого было достаточно. Иногда мы вместе засыпали, прижавшись друг к другу, будто хотели сохранить то небольшое тепло, что есть в наших телах. Крыса стала моим единственным собеседником, моим маленьким союзником, другом, в этом мёртвом месте. Я дала ей имя: Шисса.

Но однажды дверь открылась без привычного скрипа. Она просто плавно скользнула в сторону, будто её смазали маслом. На пороге стоял Лиамар. Он вошёл так же бесшумно, как когда-то подкрадывался ко мне во время игр в прятки, чтобы напугать и рассмешить. Раньше эта привычка казалась мне забавной, даже милой. Теперь от неё веяло смертельной опасностью.

Он остановился, окинул камеру взглядом, задержался на Шиссе, которая сидела рядом со мной, и на его лице появилась та самая улыбка — язвительная, издевательская. Я заметила, как он машинально поправил свои длинные волосы — привычка, которую я когда-то подмечала и спрашивала: «Зачем тебе такие длинные, если ты их вечно поправляешь и они тебе мешают?» А он лишь хмурился, строил рожицы, а потом начинал щекотать меня, и мы оба смеялись.

Сейчас этот жест не вызывал улыбки. Он казался мне жестом эльфа, который слишком уверен в своей власти.

— Здравствуй, Нимаэль, — произнёс он, не сводя глаз с крысы. — Смотрю, ты завела себе друга.

Прежде чем я успела что-то сказать, он резко опустил сапог. Раздался тихий хруст. Я закричала — не от страха, а от ярости, от невыносимой несправедливости. Шисса, единственное существо, которое не причиняло мне боли, была раздавлена.

Лиамар поднял сапог и стал стряхивать с него останки, словно это была обычная грязь.

— Прости, я не заметил его, — сказал он с язвительной улыбкой, растягивая слова, будто наслаждался моей болью.

Во мне кипела ярость. Я хотела броситься на него, вцепиться ногтями в его лицо, разорвать его на части. Но я знала, что это бесполезно. Я была слишком слабой, слишком истощённой, слишком маленькой. Лиамар улыбался, наблюдая, как меня разрывает от ненависти, как я сжимаю кулаки, понимая, что не могу ничего сделать.

— С момента, как я стал правителем этого дома, моя жизнь стала прекрасна, — продолжил он, словно рассказывал о погоде. — Недавно мы захватили новые территории. И теперь моя власть стала ещё больше. Скоро я стану единоличным правителем Сильвариса и близлежащих земель.

Я молчала. В голове билась только одна мысль: «Как бы я хотела вгрызться тебе в горло. Хоть на секунду почувствовать, что могу причинить тебе боль». Но трезвый рассудок шептал: «Не делай этого. Ты не справишься. Лучше сиди тихо».

Лиамар чуть наклонил голову, будто пытался разгадать мои мысли.

— Знаешь, недавно я решил прогуляться по дворцу и набрёл на комнату, которая хранит в себе древние летописи и историю. Историю вашей семьи. Оказывается, ты не так проста, малышка. Ты намного полезнее, чем я мог представить. Твой род умел делать то, что другим не под силу, — сказал Лиамар, проводя пальцем по каменной стене. Они заставляли землю служить себе. «Я хотела рассмеяться ему в лицо: какая земля, когда у меня даже сил встать нет?»

— Сегодня будет особенный вечер. Будет пир в честь завоевания новых земель. Остатки прикажу подать тебе. Так что, возможно, тебе перепадёт еда повкуснее. Если, конечно, что-то останется.

После этих слов он ушёл, явно разочарованный тем, что не смог выбить из меня хоть какую-то реакцию. Когда дверь снова закрылась, я осталась наедине со своими мыслями.

«История... история моей семьи... Я особенная и могу оказаться полезной?» — крутилось у меня в голове. Я пыталась вспомнить всё, о чём говорила мне матушка.

Я вспомнила, как однажды мама, глядя на меня, тихо сказала: «В наших жилах течёт не просто кровь, моя дорогая. В них живёт память земли». Тогда я подумала, что это просто красивая фраза, вроде сказки. Но сейчас эти слова звенели в голове, как предупреждение. Что, если Лиамар нашёл ту самую «память земли» в этих летописях? И слова колыбельной... Может, это как-то связано? Мама говорила, что эта колыбельная почти так же стара, как весь наш род.

Из коридора стали доноситься звуки музыки. Я так давно не слышала музыку, что сначала даже не поверила своим ушам. Мелодия ласкала слух, обволакивала, будто пыталась напомнить мне, что где-то существует мир, где все смеются, танцуют и не знают, что такое холод камня и запах плесени. Я подошла к двери, прижалась к ней, слушала и мечтала о том, какой могла бы быть моя жизнь, если бы я смогла сбежать. Я так хотела покинуть это место.

Я слегка повисла на двери, цепляясь за неё, как за последнюю надежду, и вдруг почувствовала, как моё тело обдало чем-то вроде тёплого ветерка. Это чувство не было похоже на обычное тепло — оно бежало по венам, разливалось по коже, наполняя меня странной силой. Я поднесла руку к отблеску света от свечи и увидела, как из моих ран, будто из трещин в земле, начали прорастать тонкие, но крепкие лозы. Они извивались и разрастались по моей руке, тянулись вперёд, проникая в замок на двери. Через мгновение замок разломался на части, и дверь медленно отворилась.

Не раздумывая ни секунды, я бросилась бежать. Коридоры, лестницы, тени — всё слилось в один поток. Пышный пир и пьяная стража — лучшего момента для побега не могло быть. Я мчалась так быстро, насколько позволяло моё измученное тело. Но, к сожалению, не вся стража была пьяна. В одном из коридоров я увидела двоих, которые явно не собирались спать. Я забилась в угол, пытаюсь придумать, как пройти мимо них и услышал их разговор:

«— Говорят, он теперь каждую ночь в библиотеке сидит, — тихо шепнул один стражник другому. — Всё про Лиантаров ищет. — А толку? — хмыкнул второй. — Даже если там написано, как корону удержать, девчонка-то всё равно ничего не знает.

«Лиантары...? Но что они могли написать такого про нас, что Лиамару вдруг понадобилась именно я?»

Нет времени на раздумья! Нельзя упустить возможности сбежать. Я осмотрелась и вспомнила тайные коридоры, по которым когда-то бегала, сокращая свой путь к трапезной, чтобы матушка не ругала меня за опоздание. Я бросилась туда. Вскоре я оказалась у кухни, где всюю готовили еду для пира. Воздух был наполнен ароматами свежего хлеба, пряностей и мяса. Мой

рот наполнился слюной, мышцы лица свело, а желудок скрутило от голода. Плесень камеры и запах trebuхи не сравнятся с ароматом свежего хлеба. Мне захотелось стащить хотя бы корочку — возможно, это помогло бы мне набраться сил и бежать ещё быстрее.

Тихо, почти ползком, я стала подкрадываться к столу, где лежал огромный ломоть хлеба. И тут меня заметила служанка.

Я узнала в ней Калею. Та самая Калея, которая каждый день заплетала мне волосы напевая, нежные, песни. Помогала купаться и играла со мной в саду. По её, глазам я поняла, что она не ожидала увидеть меня здесь. Она думала, что меня убили вместе с родителями. Я понимаю её удивление. Каковы были шансы на выживание у *восьмилетней* девочки? Но, по моему виду она сразу поняла, что я пережила нечто куда более страшное.

Моя кожа была серого, бледного оттенка. Тело покрыто ранами, ссадинами и синяками. Щёки впали, рёбра торчали, ногти были длинными и сломанными, будто я пыталась вскарабкаться по каменной стене. Я уже давно не была похожа на высокородную эльфийку. Я больше походила на бездомного, обезумевшего зверя.

Наши взгляды встретились лишь на мгновение, но я поняла: она мне не враг.

— Ты... Ты правда здесь? Девять лет... Я постоянно твердила себе, что не надо верить в чудеса, а теперь ты стоишь передо мной. Держи, это всё, что я могу тебе дать сейчас.

Калея быстро схватила корку хлеба и швырнула её мне, а затем кивнула головой, показывая направление. Я вгрызлась в корку, забыв вникнуть во вкус. Сама же она вышла в коридор и, окликнув стражу, предложила им вина, чтобы отвлечь их внимание. Это дало мне шанс.

Я выскользнула из дворца и побежала мимо кустов, клумб и фонтанов. Всё выглядело так же, как я помнила, но теперь казалось серым, бездушным и лишённым жизни. Я проскользнула через ограждение и направилась к запретной роще — единственному месту, где стража не стала бы меня искать. Там были земли духов, фей и друидов. Я бежала туда, не оглядываясь. Пусть там меня ждёт опасность, пусть даже смерть — я лучше встречу её там, чем снова окажусь в руках Лиамара.

Глава 4. Красный лес

Сумерки наливались тяжестью, будто густая смола, и ложились на лес плотным саваном. Я бежала, и каждый шаг отдавался болью во всём теле. Мышцы, привыкшие к неподвижности камеры, кричали от каждого движения, каждый вдох царапал грудь изнутри. Я мчалась вперёд почти наугад, словно слепой котёнок, тыкающийся носом в пустоту. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за волосы, рвали тонкую ткань платья. Колючие кусты хватали за ноги, будто сами корни земли хотели удержать меня здесь и не пустить дальше.

Лес был не просто густым — он казался живым и враждебным. Толстые стволы стояли стеной, как колонны древнего храма, а кроны сплетались наверху в непроницаемый купол, не пропускающий даже слабый свет угасающего дня. Тени между деревьями были не просто отсутствием света — они были плотными, осязаемыми. Лес старательно прятал от меня любые намёки на дорогу.

Я споткнулась о корень, торчавший из земли, как костлявый палец, и упала вперёд, не успев подставить руки. Удар отозвался во всём теле острой вспышкой боли. Я взвизгнула — не от страха, а от внезапной, обжигающей боли в бедре. Нашупала рану дрожащими пальцами: глубокий порез, липкий и горячий. Кровь сочилась сквозь пальцы, смешиваясь с грязью и хвоей.

Встать оказалось почти невозможно. Ноги подкашивались, руки тряслись так, что я не могла упереться в землю. Я пыталась подняться, падала снова, снова упиралась, снова оседала. Каждый раз, когда я почти выпрямлялась, мир начинал кружиться, а темнота подступала ближе, обещая поглотить меня целиком. Наконец, собрав остатки сил, я заставила себя подняться и, прислонившись к ближайшему шершавому стволу, замерла, пытаясь отдышаться.

В этот момент что-то изменилось.

Темнота не исчезла — но она перестала быть непроглядной. Вместо чёрного бархата ночи перед глазами разлился густой, пульсирующий красный цвет. Он не был ярким или ослепляющим — он был глубоким, как закат, который никогда не кончается. И сквозь этот красный оттенок я вдруг увидела всё с пугающей чёткостью: каждый сучок на ветке, каждую чешуйку коры, каждый тонкий усик мха, ползущий по стволу. Лес, который только что был слепой, непроходимой стеной, теперь раскрылся передо мной, обнажив свои шрамы, узлы и трещины.

Я не понимала, что происходит. Это не было похоже на обычный свет. Это было словно зрение, которое шло изнутри, из самой моей крови, из тех самых лоз, что проросли из ран. Красный цвет не принадлежал миру — он принадлежал мне.

На секунду я застыла, парализованная непониманием. Хотелось зажмуриться, вернуть привычную тьму, где можно было хотя бы прятаться в неведении. Но лес больше не давал мне этой роскоши. Он выставлял напоказ каждую корягу, каждый острый камень, каждую ловушку, которую земля приготовила для слабых.

А потом в голове осталась только одна мысль, простая и грубая, как удар сердца: бежать. Не к чему-то, не ради чего-то — просто прочь. Прочь от дворца, от Лиамара, от хруста сапога, раздавившего единственную ниточку тепла. Прочь от холода, от требухи, от тишины, которая давила на виски.

Не раздумывая, я рванулась вперёд. Рана ныла, ткань липла к крови, каждый шаг отдавался в бедре раскалённым гвоздём. Но теперь я хотя бы видела, куда ставить ногу. Этого было достаточно.

Время шло, и силы постепенно иссякали. Бег сменился тяжёлым, шаркающим шагом. Ноги будто налились свинцом, каждое движение давалось ценой невыносимого усилия. Корка хлеба, брошенная Калеей, лишь ненадолго дала мне глоток энергии — сейчас эти крохи силы окончательно угасли, оставив после себя лишь звенящую пустоту и свинцовую усталость.

Кровь не прекращала сочиться из раны; тонкая корка, едва успевшая затянуться, снова лопалась при каждом движении, и по бедру стекала тёплая струйка.

Мне нужно было остановиться хоть на мгновение, чтобы перевести дыхание, но страх гнал вперёд: если я замру хоть на миг, холод и слабость окончательно возьмут верх. Я продолжала идти, с трудом переставляя ноги, шаря взглядом по красноватому полумраку в поисках хоть какого-то укрытия — хотя бы углубления в земле, хотя бы нагромождения камней. Но лес не предлагал пощады: только стволы, корни, колючки и тьма, разбавленная этой странной красной пеленой.

Глаза постепенно становились всё тяжелее, веки сами собой опускались. Сознание начало плыть, мысли теряли чёткость, превращаясь в обрывки образов: лицо Калеи, мамина рука, тихий шёпот колыбельной, хруст под сапогом Лиамара.

В какой-то момент я просто рухнула на колени, не в силах больше держать собственный вес. Отчаяние накрыло меня ледяной волной. В груди поднялась горькая, разъедающая пустота, и на глаза навернулись слёзы. Всклип вырвался сам собой, тихий, сдавленный, полный бессилия.

«Неужели это конец? — пронеслось в голове, острое и безжалостное, как лезвие. — Всё, что я пережила... холод, боль, смерть крысы, этот безумный побег... всё было лишь для того, чтобы упасть здесь, в глуши, никем не найденная, никому не нужная? Пустая попытка, которая обернулась просто ещё одной могилой в лесу?»

Я не хотела сдаваться, даже сейчас, даже когда тело предало меня. Стиснув зубы, я опустилась на четвереньки и поползла вперёд, цепляясь пальцами за влажную землю, за корни, за пучки травы. Каждый сантиметр давался ценой чудовищного усилия, но я не останавливалась.

Так я и добралась до огромного, могучего старого дуба. Его корни выступали из земли, словно не могли удержать всю мощь и размер этого дерева, образуя причудливые изгибы и щели. Одна из таких щелей показалась мне спасением — пусть и жалким, но единственным. Я заползла в узкое пространство между корнями, чувствуя, как грубая кора царапает кожу, но даже эта боль казалась теперь чем-то далёким, приглушённым.

Я легла на спину, вытянувшись в тесном укрытии, и подняла глаза вверх, туда, где сквозь сплетение корней и ветвей должно было проглядывать небо. Я не видела неба так долго, что теперь сама мысль о нём казалась чем-то почти забытым, почти невозможным. И вдруг мне показалось, что я действительно вижу звёзды — тысячи крошечных огоньков, рассыпанных по тёмному полотну. Они мерцали, переливались, и... двигались. Медленно, неумолимо они приближались, словно живые искры. Среди всех этих звёзд виднелись особенно яркие. Их было не много, всего три или четыре, но они были так прекрасны.

Перед глазами всё поплыло, сознание ускользало, растворяясь в этой странной картине. И в тот самый миг, когда Морфей уже тянул меня в свои объятия, я услышала тонкий, едва уловимый голос, похожий скорее на писк насекомых, чем на эльфийскую речь:

— Это же она!

Глава 5. Голос из земли

Темнота накрыла меня не сразу, а будто слоями — сначала пальцы, потом колени, потом плечи, пока наконец не сомкнулась над головой, как тяжёлое одеяло. Я провалилась в сон от бессилия, даже не успев подумать, что, может быть, больше никогда не проснусь.

Но сон не принёс тишины. Наоборот, он был полон звуков — жужжащих и пищащих. Голоса сплетались в неразборчивый гул, и чем глубже я уходила в забытие, тем отчётливее они становились. Они не говорили слов — скорее, шептали интонациями: одни злились, другие звали меня по имени, но так искажённо, что оно звучало чужим.

А потом сквозь этот хаос прорвался новый голос: — Кто здесь!?

Низкий, старый, вибрирующий, будто шёл не из воздуха, а из самой земли. Он был таким настоящим среди всей этой жуткой какофонии, что я даже попыталась открыть глаза, чтобы увидеть, кто это. Но веки не слушались.

Затем пищавший голос крикнул: — Адэйр, это она! Она жива! Я знаю её! Слышишь?

Слова ударили по сознанию, как раскаты грома, и тут же растворились в шуме, будто их и не было. «Мне кажется, это сон... или я брежу?» — пронеслось в голове, и я попыталась ухватиться за эту мысль, как за соломинку. Но она выскользнула, рассыпалась на мелкие осколки.

И вдруг тело стало невесомым. Не так, будто я потеряла вес, а так, будто меня подхватили, крепко, но бережно — так, как папа всегда брал меня на руки, когда я уставала после долгих прогулок по саду. Я чувствовала тепло его ладоней, твёрдость его плеч, знакомый запах сандала и воска от его парадных перчаток. Впервые за очень долгое время мне стало спокойно — не просто не страшно, а по-настоящему спокойно, как будто весь мир наконец перестал вращаться и замер, чтобы дать мне передохнуть.

«Папа...» — хотела прошептать я, но не смогла. Слова не шли, а сознание, мягкое и тёплое, как папин плащ, снова покинуло меня.

Когда я открыла глаза, это было не медленное пробуждение, а резкий рывок из темноты — будто меня вытолкнули обратно в реальность. И вместе с первым вдохом на меня обрушилось всё разом: паника от побега, ярость, когда Лиамар убил крысу, страх, что он снова меня поймает, и тупая боль в бедре. Воспоминания ударили так сильно, что я не поняла, где нахожусь.

Я попыталась оглядеться, цепляясь взглядом за каждую деталь, как за опору. Я засыпала в корнях дуба, а теперь лежала на кровати, собранной из переплетённых корней, веток и листьев. Подушка была набита листьями и мхом, а одеялом служила чья-то тёплая шкура.

Это был чей-то дом. Старый, но не развалившийся — наоборот, добротно сложенный, светлый и тёплый. В углу горел камин, в нём что-то тихо булькало, и от этого запаха — густого, пряного, похожего на травяной суп — мой желудок отозвался громким, почти отчаянным, урчанием.

Страх всё ещё был здесь, но он уже не сжимал горло так сильно. Это место будто уговаривало меня: «Тише. Ты в безопасности».

Я резко села, и рана на бедре тут же напомнила о себе — боль вспыхнула острой, горячей волной, как укол иглы, и я невольно втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Опустив взгляд, я увидела, что ногу перевязали: поверх кожи лежала плотная повязка из широких листьев, а под ними виднелась какая-то серая масса — густая, пахнущая смолой и травами.

— Здравствуй, — услышала я, и резко обернулась на голос.

Тот самый. Я уже слышала его, когда проваливалась в сон.

— Не стоит так резко вставать, твои раны ещё очень свежие, — спокойно произнёс старик.

Он стоял передо мной — прямой и уверенный, будто не чувствуя тяжести лет. Лицо его было изрезано морщинами, волосы и борода — совершенно белые, длинные, сливающиеся в единое седое облако. Уши у него были острые, как у эльфов, но кожа отливала не золотистым, а странным, приглушённозелёным оттенком, будто впитала в себя цвет леса.

Я смотрела на него, и паника внутри пыталась снова подняться волной, но что-то в его взгляде — не любопытство, не злорадство, а усталое, внимательное спокойствие — удерживало её.

Он не делал ни шага вперёд, не тянулся ко мне, не торопил. Просто стоял и смотрел, будто знал, что сейчас самое важное — дать мне понять: никто не собирается набрасываться.

— Ты в безопасности, — тихо сказал он, не повышая голоса, будто боялся спугнуть меня, как дикого зверька. — По крайней мере, здесь.

Я хотела спросить «кто вы?», хотела крикнуть «не подходите ко мне!», хотела вообще что-то сказать, чтобы доказать себе, что я ещё могу говорить. Но слова застряли где-то в горле, тяжёлые и неповоротливые. Вместо этого я только крепче вцепилась пальцами в край шкуры-одеяла, чувствуя, как под ногтями хрустит сухая травинка.

Старик чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тишине между ними.

— Сначала просто подыши, — мягко произнёс он. — Боль никуда не денется, страх тоже. Но если ты сейчас сорвёшься и побежишь, они снова побегут за тобой.

— Они? — наконец смогла вымолвить я. Голос прозвучал чужим, ломким, будто я разучилась им пользоваться.

Он чуть прищурился, и в этом взгляде не было ни удивления, ни желания увильнуть.

— Ты знаешь, о ком я, — спокойно ответил он. — Тот, кто убил твою крысу. Тот, кто гнал тебя по лесу. И те, кто идут следом. Не обязательно видеть их, чтобы чувствовать, как земля дрожит от их шагов.

«Я думала, моего побега не заметили», — пронеслось у меня в голове, и от этой мысли внутри что-то щёлкнуло и задрожало.

Я ведь не привлекла внимания стражи. Калея отвлекла тех двоих, дав мне возможность бежать. Я выскользнула в тень и побежала. И первые минуты — долгие, звенящие минуты — я не слышала погони. Ни криков, ни топота, ни лязга оружия. Только собственное дыхание и шорох листьев под ногами.

Мне казалось, что, убегая всё дальше, я попрежнему остаюсь незамеченной. Что я умная, быстрая, хитрая. Что я наконецто делаю всё правильно.

— Тишина в лесу бывает разной, — тихо произнёс он, глядя куда-то в сторону окна, где сквозь щели пробивался зеленоватый свет. — Иногда она прячет. А иногда — зовёт. Ты не виновата, что не знала, какая из них сейчас. Этому не учат в комнатах за толстыми стенами.

Выходит, что тишиной и выдавала меня. Каждый шаг по сухой листве, каждый выдох, каждый хруст ветки звучали как крик. И пусть я верила, что это был идеальный побег, по сути я оставалась просто ребёнком, который думал, что, если бежать очень быстро, тебя не найдут.

Пальцы сами собой вжались в край шкуры. Хотелось держаться за что-то твёрдое, пока земля под ногами не начала снова дрожать от чужих шагов.

Старик будто заметил, как у меня мелко подрагивают плечи, но не стал ни жалеть, ни торопить.

Запах супа из камина стал вдруг слишком отчётливым, почти навязчивым, и от этого мой желудок снова громко напомнил о себе — смешно и нелепо на фоне всей этой дрожи в теле. Я чуть не рассмеялась, чуть не заплакала. Но удержала в себе эту истерику.

Старик подошёл к камину, снял с крюка котелок и наполнил деревянную миску густым супом. Чуть помедлив, он тихо пригласил меня:

— Поешь.

Глава 6. Тихая симфония спасения

Я сидела на кровати, вцепившись пальцами в грубую шкуру. Ноги были поджаты, спина прижата к стене — так, чтобы видеть и дверь, и старика. Чтобы, если вдруг что, можно было сорваться и броситься прочь. Я замерла, не решаясь даже пошевелиться. Перед глазами всё ещё стояло, как в камере мне швыряли миску с требухой, а стражник фыркал, будто я и этого не заслуживаю.

А тут всё было другим. Голос старика не звенел угрозой. Запах трав у камина не смешивался с сыростью. Даже то, как он осторожно поставил миску на столик рядом со мной, будто это не просто обед, а что-то важное, — всё это заставляло сердце биться где-то в горле.

Робко, с недоверием, я всё же села за стол, напротив него, и потянулась к миске. Ложка была тёплой, шершавой, пахла смолой и дымом — и от этого запаха в груди шевельнулось что-то странное. Не страх, а смутное воспоминание о вечерах у камина, когда матушка рассказывала сказки, а отец тихо улыбался.

Суп пах не гнилью и не отчаянием, а землёй, травами, чем-то живым. Желудок сжался и тут же взвыл, требуя еды, но разум всё ещё шептал: «Не верь. Не смей верить». Но я все же поднесла ложку ко рту и сделала крошечный глоток — тепло разлилось по горлу, спускаясь вниз, туда, где годами копился холод. Вкус был странным, пряным, с лёгкой горчинкой, но настоящим. Еда, которую готовили, думая о том, кто будет её есть.

Я ела жадно, почти не замечая, как исчезают ложка за ложкой, и только краем глаза всё время проверяла старика: не ухмыльнётся ли он, не скажет ли что-нибудь злое, как Лиамар. Но он просто сидел на табурете напротив, не торопил, не смотрел на меня жадно, будто давал мне право просто быть голодной и живой.

Когда миска опустела, я наконец подняла взгляд. И тут плотина прорвалась.

Слёзы хлынули внезапно, будто прорвало невидимую плотину, которую я держала столько дней, столько ночей. Сначала одна, горячая, скользнувшая по щеке, потом ещё и ещё, и вот уже всё лицо было мокрым, подбородок задрожал, а плечи затряслись от всхлипов, которые я больше не могла сдерживать. Из меня полились не просто слёзы — из меня выливалась вся та боль, весь страх, вся бесконечная тишина.

— Он убил крысу, — прокричала я, а потом слова посыпались, как камешки из разжатого кулака, сбивчиво, на одном дыхании, сквозь слёзы. — Просто так! Просто чтобы увидеть, как я ломаюсь! Он везде... Он найдёт меня... Он всегда находит...

Я не заметила, как сползла со стула на пол, подтянув колени к груди и уткнувшись в них лицом, будто хотела спрятаться даже от собственного голоса. Плечи вздрагивали, а внутри всё сжималось от мысли, что этот тёплый дом, этот суп, этот спокойный старик — всё это сейчас исчезнет, потому что Лиамар всегда забирает всё, до чего может дотянуться.

Старик не бросился ко мне, не стал трясти за плечи, не стал говорить это пустое «всё будет хорошо», от которого стало бы только хуже. Он просто пододвинул табурет чуть ближе, сел так, чтобы быть рядом, но не нависать, и тихо, ровно, будто разговаривал с испуганным зверьком, сказал:

— Я здесь. И я не уйду. Пусть выльется всё, что накопилось. Лес умеет слушать не только деревья, он умеет слушать и слёзы. Они тоже часть земли.

Он не протянул руки, чтобы обнять — я бы сейчас не выдержала чужого прикосновения. Но он остался. Сидел и ждал, пока рыдания начнут стихать, пока всхлипы станут реже, пока я снова смогу поднять глаза.

Когда я наконец смогла успокоиться, я утёрла лицо ладонями. Я уткнулась взглядом в пол на котором распласталась и выпалила всё, что крутилось в голове:

— Кто ты? Где я нахожусь? Почему Лиамар со своими слугами пошли за мной в лес, если раньше никто никогда не смел сюда заходить? Почему вы помогли мне? Что за писклявые голоса я слышала во сне? Как вы меня нашли?

Старик чуть наклонил голову, внимательно слушая, и не стал обрывать меня потоком ответов. Он подождал, пока я выдохну, и заговорил спокойно, ровно, будто каждое слово заранее примерил, чтобы оно не ударило слишком сильно.

— Меня зовут Адэйр. Я Друид. Друиды — заклинатели и хранители живой природы, черпающие свою силу из леса, земли и стихий, — сказал он. — Мы часть самой природы. Мы не приказываем деревьям расти, не заставляем реки менять русло. Мы просим. Оберегаем. Помогаем. Мы слушаем, что шепчет земля, о чем поют деревья. Мы говорим с духами природы. Мы единое целое. И ты Нимаэль, очень похожа на нас.

Он сделал паузу, давая мне переварить эти слова.

— Ты в Пограничье, — продолжил он. — Там, где лес уже не просто деревья и мох, а живой щит между миром естества и миром древних сил. Сюда редко заходят, потому что может быть очень опасным. И да, Лиамар знал, что сюда не ходят. Именно поэтому он пошёл за тобой: он понял, что лес тебя примет, а значит, твоя сила теперь не просто кровь рода Лиантар, а часть чего-то большего. И он хочет это использовать.

Я вздрогнула, вспомнив слова Лиамара: «Ты ещё можешь оказаться полезной». Теперь они звучали ещё страшнее, потому что в них была правда.

— А голоса, которые ты слышала во сне, — это лесные феи, — тихо добавил Адэйр. — Они живут в шёпоте листвы и в звоне капель. Они первыми почувствовали, что ты жива и в опасности. Они не могут сражаться, но умеют звать на помощь тех, кто может. Они и позвали меня.

— Но почему вы пришли? — прошептала я. — Почему именно вы?

Адэйр чуть улыбнулся, но в этой улыбке не было веселья — только старая, глубокая усталость.

— Потому что когда-то я был знаком с твоими предками. Я знал, как в ваш род пришла магия. И когда феи позвали, я понял: если не я, то никто не придёт.

Я вновь опустила глаза, уставившись на мокрый пол от моих слез. — Я хочу выйти наружу, — вдруг сказала я, сама удивившись, как твёрдо прозвучал мой голос. — Хочу увидеть, где я.

Адэйр кивнул, будто ждал этого.

— Хорошо. Многие давно не видели тебя, Нимаэль. И они ждут с нетерпением встречи.

Он встал, подошёл ко мне и протянул руку — не хватая, не таща, а просто предлагая опору. Я секунду поколебалась, а потом вложила в неё свою ладонь. Пальцы Адэйра были тёплыми и твёрдыми, как кора старого дерева. Он помог мне подняться. Ноги дрожали, будто забыли, как держать вес, но я не отпустила его руку.

Мы подошли к двери. Адэйр медленно отодвинул засов, и когда дверь распахнулась, в лицо ударил яркий солнечный свет. Я зажмурилась, прижав свободную руку ко лбу, и на мгновение мне показалось, что я снова ослепла, как тогда, когда на меня надели мешок. Но постепенно свет перестал резать глаза, и я начала различать очертания мира.

Когда зрение окончательно привыкло к свету, я замерла, забыв даже про дрожь в коленях. Всё вокруг было невероятно красочным — таким, каким я давно не видела. Трава была не просто зелёной, а сотканной из десятков оттенков: от изумрудного до глубокого лесного, с золотыми искрами там, где по ней скользили солнечные лучи. Листья переливались, будто были покрыты тончайшей росой, отражающей все цвета радуги. Даже воздух казался тёплым и густым, как медовый сироп. И пах не пылью и кровью, а цветами, смолой и свежестью.

Передо мной, чуть в стороне от дома, стояла толпа. Не грозная, не враждебная — скорее напряжённо-тихая, будто все боялись спугнуть этот миг.

Там были лесные эльфы — их лица казались вырезанными из самой листвы, а глаза мерцали, как жёлтые огоньки в сумерках. Среди них стояли сатиры: у одних рога были изогнуты, как ветви старого дуба, у других — тонкие, словно молодые побеги. Они не шумели, не топали копытами — будто сам лес велел им сейчас быть тише воды.

Все они смотрели на меня, и в их взглядах не было любопытства или злорадства — только облегчение и тихая радость. Ктото из друидов тихо выдохнул: «Она жива...» — и этот шёпот прокатился по толпе, как волна.

Я стояла, не в силах отвести взгляд. Мир, который столько лет был серым, холодным и враждебным, вдруг снова стал живым. И впервые за долгое время мне не хотелось прятаться. Хотелось просто дышать этим воздухом и верить, что, возможно, впереди есть не только боль.

Адэйр слегка сжал мои пальцы, напоминая, что он рядом.

— Они ждали, — тихо сказал он.

И тут, из травы, из листвы, из самого воздуха будто вырвался вихрь света — ко мне подлетели бабочки. Те самые, из детства: с крыльями оттенка заката — алым, янтарным, расплавленным золотом. Я замерла, а потом не выдержала и тихо рассмеялась. Они кружились вокруг, садились на мои плечи, на рукава, на пальцы, будто узнавали меня.

Не думая, я протянула к ним руку — и в тот самый миг, когда кончики моих пальцев почти коснулись их крыльев, бабочки замерли в воздухе. На секунду всё будто застыло, а потом их очертания поплыли, стали тоньше, прозрачнее. Крылья удлиннились. Над головами вспыхнули крошечные огоньки. Тельца сделались хрупкими, как лепестки. И вот уже вместо бабочек, передо мной висели маленькие феи — те самые, чьи голоса я слышала во сне.

У каждой из них были крылья, будто сотканые из тончайшей паутинки и пронизанные прожилками, как у стрекозы, только куда нежнее: они переливались всеми оттенками от бледно-голубого до золотистоянтарного, и казалось, что сквозь них просвечивает само солнце. Их лица были крошечными, но удивительно чёткими: с тонкими, будто нарисованными линиями бровей, с глазами, огромными по сравнению с личиком — у одних они сияли, как капли росы, у других напоминали тёмные зёрнышки, в которых плясали искорки света. У одной феи волосы струились, как шёлковые нити цвета мёда, у другой были тёмными, почти чёрными, но с фиолетовым отливом, будто в них запутались сумерки. У третьей вместо волос висели тонкие зелёные усики, похожие на побеги плюща, и они шевелились, будто прислушивались к ветру.

— Мы думали... мы все думали, что тебя больше нет, прошептала фея, и села мне на ладонь. Её крылышки трепетали так быстро, что воздух вокруг неё дрожал, как над нагретым камнем, а крошечные искорки над головой, то вспыхивали ярче, то приглушались, будто она дышала этим светом.

— Но когда ты вбежала в глубь леса, — продолжила она, чуть приподняв головку, чтобы посмотреть мне прямо в глаза, — земля вздрогнула. Совсем чуть-чуть, как если бы кто-то очень осторожно провёл пальцем по струне арфы. И мы почувствовали... что-то знакомое.

— Знакомое! Знакомое! — звонко подхватила другая фея, мелькнув рядом, словно солнечный блик на воде. Она кружилась вокруг меня, не приземляясь, и её голос звенел, как колокольчик. — Я первая почувствовала! Я как раз висела на травинке и слушала, как поёт ручей, и вдруг он запнулся на полуслове... и я поняла: кто-то чужой бежит по нашим тропам. А потом поняла — нет, не чужой! Это ты!

— Тсс, Лира, не мелькай так, — мягко одернула её третья фея, опустившись на моё плечо. Ты путаешь ей мысли. Прости её, Нимаэль. Она всегда сначала кричит, а потом думает.

Лира на миг замерла, повисла в воздухе, склонив голову, и тихо, почти шёпотом, добавила:

— Прости... Просто я так обрадовалась, что это оказалась ты, а не тень Лиамара. Я бы не вынесла, если бы это снова была его тьма, исходящая от его злобы...

— Мы все почувствовали, — спокойно продолжила та, что сидела на моём плече. — Не только Лира. Лес не умеет кричать, но он умеет дрожать. И когда ты бежала, он дрожал от твоего страха — и от твоей силы. Мы полетели посмотреть.

— И когда увидели тебя... — снова заговорила первая фея у меня на ладони, — дрожащую, с глазами, в которых ещё стоял холод дворца... мы поняли: ты живая.

— Тогда мы позвали Адэйра, — сказала фея на плече, чуть наклонив голову в сторону друида. — Мы не могли сами унести тебя, не могли спрятать от мечей. Но мы могли позвать того, кто умеет ходить там, где не ступает нога солдата. И он пришёл.

— Он пришёл! Он пришёл! — снова подхватила Лира, снова закружившись, но теперь уже не так резко, будто старалась сдержать свой восторг, чтобы не спугнуть этот хрупкий миг. — Он шёл так тихо, что даже корни не шелохнулись под его шагами. Я летела впереди, показывала тропы, где мох глушит звук...

— А я держала ветер, — тихо добавила ещё одна фея — крошечная, почти незаметная, с крыльями цвета старой листвы. Она висела чуть в стороне, будто стесняясь подлетать слишком близко, и говорила так тихо, что её приходилось слушать особенно внимательно. — Чтобы запах ищейки не долетел до тебя раньше времени. Ветер — он болтливый, любит разносить чужие следы... Я шептала ему, просила быть тише, и он послушал.

Я перевела взгляд с одной феи на другую, и впервые за долгое время в груди шевельнулось не только облегчение, но и что-то похожее на гордость. Они были такими маленькими, такими хрупкими, и всё же, каждая из них делала то, что могла: одна чувствовала дрожь земли, другая вела по тропам, третья умирала ветер.

— Спасибо, — снова прошептала я, теперь уже обращаясь не к одной, а ко всем сразу.

Фея на моей ладони потянулась крошечной ручкой и легонько коснулась моего пальца.

— Мы очень скучали, — тихо сказала она.

И впервые за долгое время мне не хотелось зажмуриться, спрятаться, сделать вид, что ничего не происходит. Хотелось просто стоять здесь, чувствовать тепло крошечных существ — одну у себя на ладони, другую на плече, — и верить, что, может быть, впереди действительно есть не только боль.

Адэйр чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к этому напеву, а потом тихо, но твёрдо произнёс:

— Лес тоже рад, что ты жива.

Я посмотрела на толпу перед собой: на эльфов, чьи глаза мерцали, как жёлтые огоньки; на сатиров, стоявших так спокойно, будто сами были частью леса; на фей, кружившихся в своём тихом танце. И вдруг поняла, что сейчас я не одна.

Адэйр будто хотел мне что-то сказать — я почувствовала это по тому, как напряглись его плечи. Он чуть наклонил голову, будто подбирал слова, которые не должны были меня ранить, а взгляд его стал серьёзным, почти суровым — таким, каким бывает у тех, кто знает, что-то тяжёлое и не хочет обрушивать это на чужую голову, но и прятать не имеет права.

— Ещё немного, — сказала я почти про себя, крепче сжимая пальцы Адэйра. — Можно ещё совсем немного просто постоять?

Он не стал торопить, не стал говорить, что время не ждёт. Только чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к моим словам, а к тому, как дрожит мой голос, и тихо ответил:

— Можно. Лес умеет ждать.

И правда — вокруг не было суеты. Эльфы стояли неподвижно, и с улыбкой наблюдали за мной. Сатиры переглянулись, и один из них — с тонкими, как молодые побеги, рогами — тихо присел на корточки у края поляны, положил ладони на землю и замер, словно сливаясь с корнями. Даже феи перестали кружиться вихрем и теперь висели в воздухе, как крошечные звёзды, только изредка шелестя крылышками.

Лира, та самая звонкая фея, подлетела ко мне и тихонько села на край рукава.

— Мы будем тут, — прошептала она, будто боялась спугнуть этот миг. — Просто посидим. Пока тебе не станет легче дышать.

Я кивнула, не доверяя голосу. И закрыла глаза. Не чтобы спрятаться, а чтобы впервые за долгое время позволить себе не следить за каждым шорохом и не искать угрозу в каждом движении.

Глава 7. Тени, которые мы разделили

Я стояла у дверей дома Адэйра и не двигалась — просто позволяла солнцу лежать на моих щеках, будто оно осторожно гладило меня по лицу, стараясь не спугнуть. Тёплые лучи скользили по коже, согревали каждую царапину, и мне казалось, что даже воздух здесь умеет быть добрым. Я вдыхала его глубоко и чувствовала, как внутри что-то тихо расправляется — будто сломанная ветка, которая вдруг поняла, что может снова тянуться к свету.

Адэйр стоял рядом, не торопил.

— Посиди немного, — тихо сказал он, кивнув на деревянную скамью у стены, увитую плющом. — Пусть солнце тебя до конца согреет. А я пока распоряжусь насчёт ужина.

Я опустила на скамью, прислонилась спиной к тёплой стене и закрыла глаза. Сквозь ресницы пробивались золотые полосы света — так непохожие на ту тьму, к которой я привыкла, что хотелось смеяться и плакать одновременно.

Вокруг кипела тихая, бережная суeta. Сатиры носили дрова, раскладывали льняные полотна прямо на траве, ставили глиняные чаши. Феи сновали тудасюда, звенели, как крошечные колокольчики, и даже их спешка казалась не нервной, а заботливой: будто они хотели, чтобы этот ужин стал не просто едой, а чем-то вроде обещания — «теперь всё будет иначе».

Я не двигалась. Смотрела, как солнечные лучи ложатся на листья плюща, как бегают по доскам золотые зайчики, как тени медленно ползут по стене, отмечая ход времени. И с каждым часом во мне будто что-то тихо расправлялось — как цветок, который слишком долго был сжат холодом и наконец почувствовал тепло.

День тянулся, неторопливый и добрый. Иногда кто-нибудь подходил, ставил рядом кружку с травяным настоем или клал на край скамьи кусочек свежего хлеба, но не задерживался, не давил разговором. Просто давал понять: ты здесь, ты в безопасности, мы рядом.

Солнце постепенно опускалось ниже. Его свет из яркого, стал мягким, золотистоалым, будто сам день решил напоследок укутать меня в тёплый плащ. Тени удлинились, воздух стал чуть прохладнее, и именно тогда разожгли костёр. Пламя не ревело, а мягко пульсировало, отбрасывая живые блики на лица. И казалось, что этот свет создан специально, чтобы отогнать любую тень.

Когда всё было готово, Лира пригласила меня сесть ближе к костру. Ко мне подошёл высокий лесной эльф с сединой в волосах. Он остановился напротив, чуть склонил голову и тихо, но твёрдо попросил:

— Если ты готова... расскажи нам. Пусть эти слова больше не живут только в тебе. Пусть мы разделим эту тяжесть хоть немного.

Все замерли. Даже ветер будто стал тише.

Я открыла рот, но слова застряли. Я замолчала, сглатывая слёзы, которые наворачивались сами собой, обжигая горло. Несколько мгновений я просто сидела, стискивая пальцы, пытаюсь удержать их внутри. Но потом поняла, что не смогу. И перестала сдерживать слёзы. Они катились по щекам, смешиваясь с последними отголосками дневного тепла, и вместе с ними начали выходить слова — тяжёлые, горькие, но теперь уже не запертые во мне одной.

Я не стала рассказывать каждую минуту той тьмы — не хотела снова прожить её до последней секунды. Но главные тени всё равно легли на этот вечер, тяжёлые и отчётливые.

Сначала про сад — про то, каким он был золотым и живым, про бабочек, которые кружились, вспыхивая оттенками заката. Про тот миг, когда золото начало таять, листья потемнели, а сад, который я знала до последнего лепестка, вдруг стал чужим.

Про резкий крик, разорвавший тишину. Про Лиамара — как на секунду его знакомый голос прогнал страх, и как чья-то грубая рука схватила меня сзади, а мешок накрыл голову.

Про то, как меня волокли по коридорам. Про камеру: голые стены, запах плесени, сломанные кандалы.

Про слова Лиамара, с пугающей нежностью рассказывавшего, как ему было приятно видеть, как угадает сила моего отца. Про его признание о том, как «почти грациозно» падала моя мать.

Про дни, когда единственным собеседником была крыса. И про тихий хруст, когда Лиамар раздавил её сапогом.

Когда я дошла до момента с раздавленной крысой, слова застряли у меня в горле, и я подняла глаза на Адэйра:

— Откуда ты знал про крысу? Ты ведь не был там. Ты не мог видеть...

Адэйр медленно провёл ладонью по колену, словно хотел стряхнуть невидимую пыль, и заговорил. Его голос звучал ровно, но в нём чувствовалась тяжесть, которую он носил годами.

— Все друиды знают язык животных, — сказал он. — Знают язык ветра и деревьев. Крыса, которая пришла к тебе, была не просто зверем. Она была частью леса, а лес — частью меня. Когда она впервые попала в твою камеру, я услышал её страх. Услышал, как она дрожит, как ищет хоть каплю тепла и добра. И ты дала ей это добро. Тогда я понял: ты жива.

Я нахмурилась, пытаюсь ухватить смысл:

— Но как? Как ты мог слышать? Стены дворца толстые, решётки железные, там даже воздух кажется глухим...

— Ветер, — тихо ответил Адэйр, будто сам прислушивался к чему-то далёкому. — Ветер везде. Он проскальзывает сквозь щели, цепляется за углы, шепчет о том, что видит. Крыса дрожала, и её дрожь передавалась воздуху. А ветер принёс её мне. Не словами, не криком, а вибрацией страха, которую любой друид чувствует кожей. И когда ты говорила с ней, когда делилась последней крохой тепла, эти чувства тоже уносились ветром — и оседали во мне, как горькая пыль.

Он помолчал, подбирая слова, чтобы не ранить меня ещё сильнее.

— Ты не понимала её, но крыса рассказывала тебе о своей норе, о том, как раньше она жила под корнями старой сосны, пока эльфы города не перекопали землю. Рассказывала, как боится их света и как ей странно, что ты не кричишь на неё, а говоришь тихо, будто она — не тварь, а друг. Эти истории доходили до меня обрывками, как сны, которые путаешь с воспоминаниями. Я слышал, как ты шептала ей мамину колыбельную. Слышал, как ты плакала, когда она приходила, потому что её присутствие было единственным доказательством, что ты ещё не сошла с ума от тишины.

Я закрыла глаза, вспоминая тот глухой, липкий холод камеры и тёплый, неловкий комочек рядом. Теперь казалось, что между мной и этим миром всё это время тянулась тонкая, почти невидимая нить.

— Если ты всё это слышал... если ты знал, что я там, что мне плохо, что меня мучают... почему ты не пришёл? Почему не спас меня?

Адэйр опустил голову, и в этой тишине, нарушаемой только потрескиванием костра, его следующий вздох прозвучал как признание вины.

— Потому что я не мог. Не имел права. Много веков назад, во времена великой войны, магию стали использовать не только во имя добра. Её обращали против самих основ жизни: поднимали бури, чтобы топить корабли. Заставляли землю трескаться под ногами армий. Превращали реки в багровый кипяток. И тогда великие маги и старейшины народов заключили договор: миры должны быть разделены. Волшебный мир и мир естественный. Мир магических созданий и мир тех, кто живёт без чар, — они больше не должны пересекаться. Чтобы не повторять ошибок прошлого.

Он поднял глаза, и в них читалась древняя усталость.

— Да, волшебный мир никуда не исчез, как и создания, владеющие магией. Но с тех пор, граница между мирами стала не просто линией на карте — она стала законом самой природы. Иногда бывали случаи, когда волшебный мир, вопреки запрету, помогал простому народу. Но каждый раз это приводило к жестокости: одни начинали требовать магии как оружия, другие — как спасения, и в итоге всё равно проливалась кровь. Как и в твоём случае: если бы я прорвался сквозь границу, чтобы спасти тебя, это нарушило бы равновесие, и последствия ударили бы не только по дворцу, но и по лесам, по рекам, по всем, кто здесь живёт.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри смешиваются обида и понимание.

— В камере мне иногда казалось, что стены дрожат от моего гнева. Лоза, что проросла из моих ран... Это ведь тоже магия, да? И если она есть во мне... значит, именно изза неё всё это случилось? Изза того, что кто-то захотел её забрать?

Адэйр чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что прячется за ними.

— Только не принимай свою силу за проклятие, — тихо сказал он. — Она была даром. Даром для твоих предков. Но дары часто становятся причиной чужой жадности. Не твоя магия виновата в том, что с тобой сделали. Виноват тот, кто захотел ею владеть.

— Сейчас ты не готова это узнать и понять, — тихо сказал Адэйр. — Ты только что вырвалась из одной тьмы. Не стоит сразу окунать тебя в другую, ещё более глубокую. У тебя еще будет шанс узнать обо всем.

Но знай: я не отворачивался. Я следил за тобой через ветер. Я видел, как в тебе просыпается сила рода Лиантар. Как лес откликается на твоё горе и на твою ярость. И я ждал. Ждал, когда эта сила станет достаточно крепкой, чтобы ты смогла сама разорвать цепи. И ты смогла.

Я сжала пальцы, чувствуя, как по коже бегут мурашки — не от холода, а от осознания: всё это время, я не была совсем одна. Кто-то слушал. Кто-то знал. Кто-то ждал.

Разговор продлился до поздней ночи. Пламя костра становилось всё тише, а звёзды — всё ярче. Многие, не выдержав горечи и усталости, стали расходиться по домам, оставляя меня и Адэйра наедине с тишиной, которая теперь не пугала, а оберегала. Рядом на моём плече тихо спала Лира, маленькая фея, которая так и не решилась оставить меня даже на миг.

Наконец Адэйр предложил:

— Ты можешь остаться в моём доме. Или выбрать любой другой, где тебе будет спокойно. А завтра, если захочешь, мы построим для тебя собственный домик. Пусть он будет таким, каким ты его видишь: с окнами, куда заглядывают бабочки, и с дверью, которая всегда будет открыта для тех, кто приходит с добром.

Я не хотела быть обузой, не хотела, чтобы ради меня кто-то спешил или тревожился.

— Я останусь с тобой, — тихо сказала я. — Если ты не против.

Адэйр улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что оно почти сравнялось с огнём костра.

Я осторожно, чтобы не спугнуть хрупкое чувство покоя, протянула руку и нежно разбудила Лиру, легонько коснувшись её крылышка.

— Пора ко сну, малышка, — тихо прошептала я.

Лира зевнула, потянулась всем своим крошечным тельцем, будто хотела стряхнуть с себя остатки дневной суеты, потом приподнялась на локтях, внимательно посмотрела на меня — будто проверяла, не прячется ли где-то в глазах прежняя тьма. Убедившись, что со мной всё хорошо, она улыбнулась, чуть склонила голову и прошептала:

— Доброй ночи, Нимаэль. Пусть тебе снятся только те сны, в которых ты свободна и счастлива.

Она взмахнула крылышками, поднялась в воздух и, сделав маленький круг над моей головой, тихо упорхнула к своему укромному деревцу.

Я смотрела ей вслед и чувствовала, как внутри разливается что-то тихое и светлое — не радость, нет, ещё слишком рано для неё, но какое-то осторожное, едва заметное облегчение.

Адэйр провёл меня обратно в дом, где воздух был наполнен запахом трав и дерева, где каждая вещь казалась живой и заботливой. Он предложил мне травяного чая — не для того, чтобы усыпить, а чтобы сердце перестало стучать так быстро, а разум смог наконец выдохнуть. Я не отказалась.

Пока я сидела, держа в руках тёплую чашку, Адэйр взял тонкую, ещё живую веточку дерева и произнёс слова на древнем языке, который звучал как шёпот ветра в листве. Веточка начала расти, сплетаться, изгибаться, пока не превратилась в простую, но надёжную кровать, готовую принять мою усталость. Из полок, тоже сплетённых из ветвей, он достал мягкую шкуруодеяло.

В дверь постучали. Адэйр подошёл и открыл. На пороге стоял молодой сатир — стройный, с тонкими изогнутыми рогами и глазами, в которых светилось искреннее сочувствие.

— Я сделал для неё подушку, — тихо сказал он, протягивая небольшой свёрток. — Хотел, чтобы ей было хоть немного удобнее.

Я приняла подушку, и на моём лице появилась улыбка, в которой смешались благодарность и слёзы.

— Спасибо, — прошептала я. — Спасибо тебе.

— Меня зовут Воган, — ответил сатир. — Мы ещё не успели познакомиться, но я рад, что ты жива. Надеюсь, эта подушка поможет тебе отдохнуть и хотя бы ненадолго забыть тот ужас, в котором ты жила. Не стесняйся просить о помощи, Нимаэль. Мы здесь.

Он пожелал нам доброй ночи и ушёл, оставив после себя ощущение простой, настоящей доброты, которую я так давно не чувствовала.

Адэйр закрыл дверь, передал мне подушку и вернулся к своим хлопотам. Я положила подушку на колени и провела пальцами по узору, вытканному на ткани. И вдруг в памяти вспыхнул другой узор — разводы плесени на сырой стене камеры. Я вздрогнула, но тут же прогнала эту мысль.

«Я больше никогда не вернусь туда, — твёрдо сказала я себе. — Я здесь. Я в безопасности. У меня есть время, чтобы залечить раны. Но я больше не хочу быть той жалкой и бессильной девочкой. Я стану сильнее. Я дам отпор Лиамару. И я отомщу за всё, что он отнял».

Друид подошёл ко мне, закончив обустраивать постель, и посмотрел на меня — не как на ребёнка, а как на ту, кто уже прошёл через ад и не сломался.

— Допила чай? — тихо спросил он.

Я подняла на него глаза. В них уже не было той беспомощной паники, которая жила там годами. Вместо неё появился твёрдый свет — не холодный, а решительный, как первый луч солнца после долгой бури.

Адэйр улыбнулся и протянул руку:

— Давай я помогу тебе дойти до постели.

Я вложила свою ладонь в его, и он бережно, но уверенно помог мне устроиться. Укрыл мягкой шкурой, такой густой и тёплой, что казалось, будто это не одеяло, а чьи-то заботливые руки.

И тогда я снова пропела про себя мамину колыбельную — ту самую, что спасала меня в темноте. На этот раз слова звучали не как просьба о защите, а как обещание самой себе: я больше не буду жертвой. Моя сила проснулась, и теперь я научусь ею владеть.

Я закрыла глаза, и впервые за долгие годы уснула спокойно. Без страха, что холод вернётся, что придут пауки, что снова придётся есть трябуху. Без страха, что кто-то снова отнимет у меня свет.

Теперь свет был внутри меня.

Глава 8. Путь, где говорят ощущения

Я снова проснулась резко, будто не веря, что всё, что было вчера, было реальностью. Мне казалось, что это сон, который я выдумала, медленно угасая в своей камере. Но яркий солнечный свет вновь встретил меня, словно говоря: весь тот ужас уже позади.

Лучи, падавшие из окна, ласкали кожу моих щёк. Я замерла в наслаждении, стараясь удержать это мгновение: будто ничего вокруг нет, никаких мыслей — только я и свет на моём лице. Я сидела неподвижно, сливаясь с этими лучиками, будто сама была частью света.

Постепенно сквозь тонкую пелену покоя прорвался шум за окном — не тревожный, а живой: звонкие голоса фей, тихий смех, треск колотых дров, журчание ручья и шелест листьев. Я открыла глаза и тихо улыбнулась.

Скинув ноги с постели, я огляделась. На столе стоял завтрак, приготовленный Адэйром: кружка горячего чая, картофель, запечённый на углях, свежий кусочек хлеба, усыпанный пряными травами и чуть увлажнённый маслом. На табурете рядом с кроватью лежали аккуратно сложенные вещи. Наверно, Адэйр позаботился о том, чтобы я смогла переодеться и скинуть с себя это потрёпанное, рваное и тесное платье, в котором я была с того момента, как мне накинули мешок на голову.

Мне было восемь, когда я надела его. И, если верить словам Калеи, прошло девять лет. Я задумалась: «девять лет...» — но тут же прогнала эти мысли прочь. Я больше не хочу думать о той тьме. Хочу залечить свои раны.

Кстати, о ранах. Я осмотрела бедро, которое поранила, когда бежала через лес. Отодвинув повязку из листьев, я удивилась: рана затягивалась куда быстрее, чем должна была. Я встала, уже увереннее ступая на больную ногу, и, поняв, что боль почти ушла, сделала первые шаги.

Я направилась к ведру с водой, стоявшему неподалёку от окна: солнце успело его согреть. Прежде чем коснуться воды, я скользнула взглядом по её поверхности — в неровном отражении проступило моё лицо, и на мгновение я замерла, вглядываясь в него, будто пыталась узнать незнакомку.

Я смотрела в отражение и... Я узнавала себя: те же рыжие волосы, золотистые глаза, россыпь веснушек, будто кто-то небрежно рассыпал по щекам солнечный свет. Но всё же я изменилась. Мои волосы теперь вились упрямыми кудрями — точно как у матери, словно годы хранили эту черту, чтобы вернуть её именно сейчас. Прямой нос, гордая линия которого всегда напоминала мне об отце, остался прежним, но будто стал резче, будто время отточило его, как ветер шлифует камень.

В последний раз я видела себя девять лет назад — и теперь не могла отвести взгляда от следов этих лет. На коже лежала въевшаяся грязь, тёмными пятнами цеплявшаяся за каждую складку, а поверх неё — синяки и ссадины, будто сама жизнь оставляла на мне отметки пройденных дорог. В золотистых глазах читалась усталость, которой раньше не было, а в изгибе губ — новая твёрдость, будто я научилась держать лицо даже тогда, когда внутри всё дрожит.

Впервые за эти годы я смогла коснуться лицом воды, смыть с себя ту сырость, плесень и холод, въевшиеся в кожу. Сбросив старую повязку, я наконец почувствовала, как тепло и чистота смывают не только грязь, но и часть тяжести — словно вместе с каплями стекала и та тьма, что столько лет держала меня в плену.

Потом я переоделась. Очень странно было ощущать ткань на коже — не грязную, не грубую, а мягкую, будто шепчущую: «тебя берегут». Юбка была сшита из льняной ткани, поверх которой пришили листья деревьев. Верхняя часть одеяния — из листьев папоротника, коры берёзы и цветов. На солнце поблёскивали серебряные нити — казалось, это не просто нити,

а тончайшая паутинка. Одежда была прекрасна. Казалось, будто не только Адэйр постарался, но и феечки приложили свои хрупкие ручки к этому образу.

Сев за стол, я начала трапезу. Аромат чая, запах пряного хлеба и запечённого картофеля сильнее ударил в ноздри, и мышцы лица снова свело. «Неужели к такому тоже придётся привыкать?» — подумала я.

Сделав глоток чая и отломив кусочек хлеба, я задумалась, какой теперь будет моя жизнь. Надолго ли я здесь? Но тут же отогнала эти вопросы. Сейчас мне не нужно знать всё. Достаточно просто сидеть, есть, чувствовать, как тепло разливается по телу, и напоминать себе: я больше не зверь в клетке. Я свободна. И жизнь уже не будет прежней.

Вскоре мой слух уловил назойливый звон под дверью хижины друида. Наверное, феечки подслушивали, пытаясь узнать, проснулась ли я.

— Лира, это ты? — крикнула я.

— Нимаэль, ты проснулась? — раздался в ответ звонкий голос.

Я подошла к двери и распахнула её. Передо мной порхали Лира и ещё три феечки.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе утро! — хором ответили они.

— Тебе понравилась новая одежда? — с трепетом и нетерпением спросила та, что когда-то сидела у меня на ладони и рассказывала о моём спасении.

— О да, она великолепна. Спасибо... — я замешкалась на последнем слове, поняв, что не знаю, как зовут моих спасительниц.

— Я Айра, — сказала первая. — А это тихая скромняга, которая просила ветер быть тише, — Ула. С Лирой ты знакома. А фею, что позвала Адэйра, зовут Эльси.

— Айра, Лира, Ула и Эльси, — повторила я. — Спасибо вам ещё раз. Это вы сделали мне одежду?

— Мы все! — радостно зашебетала Айра. — А ещё нам помогали! Воган собрал листья деревьев — он выбирал самые мягкие и нежные, чтобы они не царапали твою кожу.

— А Атти, тот седовласый эльф, принёс льняную ткань, — добавила Лира.

— А маленькая Кинния, сестра Вогана, собрала листья папоротника, — тихо сказала Ула.

— Мы собирали лепестки цветов и сшивали всё паутинкой. А Адэйр укрепил одежду своей магией, чтобы она служила тебе долго, — сказала Лира.

Я провела пальцами по серебряным нитям, будто хотела убедиться, что всё это не сон.

— Она будто светится, — тихо сказала я, скорее себе, чем им. — Как будто в ней спрятан кусочек солнца.

Айра тут же встрепенулась, её крылышки задрожали от гордости.

— Это потому что мы вплетали их на рассвете! Когда первые лучи только-только касаются земли, паутинка становится особенной. Она запоминает свет.

Ула, всё такая же тихая, чуть наклонила голову и прошептала:

— Мы хотели, чтобы тебе было тепло даже в самый пасмурный день.

Я улыбнулась, и на этот раз улыбка не требовала усилий — она просто появилась сама.

— У вас получилось, — сказала я. — Очень получилось.

Феечки переглянулись и зазвенели смехом, таким лёгким, что он походил на перезвон капель после дождя.

— А теперь ты должна выйти наружу, — заявила Лира, решительно махнув крылышками. — Сад уже чувствует, что ты проснулась, и не может дожидаться встречи с тобой.

Я замерла, прислушиваясь не к словам, а к тому, что вдруг шевельнулось внутри. Не страх, нет. Скорее любопытство — робкое, как первый росток сквозь землю.

— Сад... чувствует? — переспросила я.

Лира кивнула, её глаза сияли.

— Конечно. Всё вокруг живое.

Айра спросила:

— Ты готова выйти и поздороваться с ним?

— Ладно, — выдохнула я, сама удивляясь, как легко это слово сорвалось с губ. — Я выйду. Только... не улетайте далеко, ладно?

— Ни за что! — хором отозвались феечки, и их голоса слились в один звонкий, уверенный хор.

Я сделала шаг за порог. Тёплый воздух тут же обнял меня, пахнувший смолой, свежей травой и дымом от костра.

Я остановилась, закрыла глаза и глубоко вдохнула. В этом воздухе не было сырости подземелий, не было тяжёлого запаха железа и страха. Только смола, свежая трава, дым от далёкого костра и ещё что-то едва уловимое — будто сама земля шептала: «Я помню тебя».

— Ты чувствуешь это? — раздался спокойный голос позади.

Я обернулась. Адэйр стоял чуть поодаль, опираясь на резной посох, увитый тонкими корнями. На его лице не было ни спешки, ни строгости — только терпеливое ожидание, как у того, кто знает, что важные слова не терпят суеты.

— Чувствую, — прошептала я, опуская взгляд на свои пальцы, будто проверяя, не исчезнет ли это ощущение, если я пошевелюсь.

Адэйр чуть улыбнулся — не широко, а так, как улыбаются, когда видят, что кто-то наконец-то услышал то, что давно было сказано.

Он сделал пару шагов ближе и остановился рядом — не нарушая моего пространства, но давая почувствовать своё присутствие, надёжное, как ствол старого дуба.

— Как ты? — спросил он, и в его голосе слышалась забота, а не только мудрость друида. — Я заметил, твоя рана хорошо заживает.

Я на секунду задумалась, будто прислушиваясь не к словам, а к себе самой. И вдруг поняла: я не дрожу. Раньше стоило только подумать о том, что было, меня начинало трясти. А сейчас... сейчас я просто чувствовала усталость. Но не ту, от которой хочется свернуться в комок. А такую, когда знаешь, что самое страшное уже позади.

— Я... я не дрожу, — призналась я, сама удивляясь этому. — Раньше, стоило только подумать о том, что было, меня начинало трясти. А сейчас... я просто устала.

Адэйр кивнул, будто это было именно то, что он хотел услышать.

— Тогда, может, немного пройдемся? — предложил он, кивнув в сторону узкой тропы, терявшейся среди папоротников. — Соберём немного трав для чая. Не ради дела, а просто чтобы ноги шли, а мысли не стояли на месте. И... я хотел поговорить с тобой о том, о чём думал уже давно. Ещё тогда, у дома, хотел сказать, но ты была не готова.

— Хорошо, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Расскажи, что тревожит тебя. Или... что ты хотел предложить.

Тут изза куста вынырнула Лира — её крылышки трепетали так быстро, что почти сливались в одно прозрачное пятно. За ней, едва поспевая, мелькнули Айра, Ула и Эльси.

— Мы тут! — радостно выдохнула Лира, будто боялась, что мы их не заметим. — Мы не улетали далеко, честно! Просто... ну, не хотели мешать, когда ты с Адэйром говоришь. Но и не могли совсем уйти. Мы же обещали, что не оставим тебя одну.

Я невольно улыбнулась — и на этот раз улыбка не была усилием. Она просто появилась, тёплая и лёгкая, как солнечный луч на щеке.

— Ну вот, а я уже начала думать, что вы улетели, — тихо сказала я. — А вы просто... сторожили из кустов.

Айра подлетела ближе, её глаза сияли.

— Сторожили! — гордо подтвердила она. — И ещё следили, чтобы никакой жук не сел тебе на плечо без спроса.

Ула тихонько опустила на ветку рядом и чуть наклонила голову.

— Мы здесь, — сказала она, и в этих двух словах было столько тихой уверенности, что у меня внутри будто что-то щёлкнуло на место.

Эльси, самая осторожная, села на посох Адэйра и сложила крылышки, молча наблюдая.

Я перевела взгляд с феечек на Адэйра, и мы пошли по тропе. Я старалась идти ровно, не торопясь, подстраиваясь под неспешный шаг Адэйра.

Феечки порхали вокруг: то зависали на уровне моих глаз, то ныряли вниз, чтобы показать какой-нибудь особенный листок, то снова взмывали вверх, будто проверяли, не отстаю ли я.

— Смотри, — вдруг сказал Адэйр, останавливаясь у большого валуна, поросшего мхом. — Видишь, как мох растёт только с одной стороны? Это не потому, что ему так захотелось. Это потому, что солнце чаще касается этой стороны, а дождь бьёт в другую. Камень запоминает всё: тепло, холод, удары капель. Если умеешь смотреть, он расскажет тебе, какой была зима и сколько гроз прошло этим летом.

Я наклонилась, провела пальцами по прохладному мху — и вдруг почувствовала не просто мягкость, а тяжесть времени. Будто в этом прикосновении было что-то большее, чем текстура.

— А теперь закрой глаза, — тихо велел Адэйр.

Я послушалась. Сначала была только темнота и собственное дыхание. Потом сквозь него пробился шорох: ветка чуть скрипнула, будто пожаловалась на тяжесть. Гдето далеко пробежал ёжик, его когти царапнули сухую листву. А потом — совсем рядом — лёгкий, едва уловимый звук: капля росы сорвалась с листа и упала на мох.

— Слышишь? — прошептал Адэйр так тихо, что его голос казался частью леса. — Это не просто звуки. Это язык. Лес говорит с теми, кто готов слушать.

— Я слышу, — прошептала я, и в этом «слышу» было столько удивления, будто я впервые услышала собственный голос.

— Хорошо, — кивнул Адэйр. — А теперь попробуй услышать не звук, а намерение. Кролик не просто бежит — он торопится к норке, потому что чувствует, что скоро сумерки. Ветка скрипит не просто так — она устала держать тяжёлый сук. Капля падает, потому что лист больше не может её держать. Это и есть друидское зрение: видеть не глазами, а сердцем.

Мы шли дальше, и с каждым шагом я замечала всё больше: как трава чуть темнеет там, где её примял заяц; как воздух становится плотнее перед поворотом тропы; как запах смолы смешивается с запахом влажной земли и становится другим, когда рядом растёт папоротник.

Когда мы наконец остановились у небольшого ручья, Адэйр опустил на корточки и зачерпнул ладонью воду.

— Вода тоже говорит, — сказал он, протягивая мне руку с каплями. — Попробуй почувствовать её не как жидкость, а как движение. Она течёт, потому что ищет путь. Она обходит камни, потому что знает их силу.

Я осторожно коснулась капель — и вдруг поняла: вода была не просто холодной. Она была живой. В ней чувствовалось течение, настойчивость, желание добраться до чего-то большего.

Адэйр чуть наклонил голову, будто прислушивался не ко мне, а к тому, как во мне отзывается лес. Потом медленно поднялся, не отводя от меня взгляда.

— То, о чём я хотел сказать ещё у дома... — начал он, и в его голосе не было ни торжественности, ни давления, только спокойная твёрдость. — Я хочу предложить тебе обучение. Не чтобы сделать из тебя кого-то другого, а чтобы ты смогла встретиться со своей силой лицом к лицу. Чтобы она стала частью тебя — такой же привычной, как собственное дыхание.

Я замерла.

— Ты ведь чувствуешь, как она шевелится, — продолжил Адэйр, не повышая голоса, будто боялся спугнуть этот хрупкий момент. — Как дрожь под кожей.

Ли́ра и Айра опу́стились на край камня, будто хотели стать тише, чтобы не мешать. Ула чуть наклони́ла голову, словно прислушиваясь к чему-то, чего не слышали остальные. А Эльси просто села на мой рукав, очень осторожно, будто боялась, что я исчезну, если она надавит хоть немного.

— Я не обещаю, что будет легко, — сказал Адэ́йр. — Будут дни, когда тебе покажется, что ты ничего не слышишь, а лес молчит нарочно, чтобы тебя испытать. Будут моменты, когда сила попробует вырваться, и тебе придётся учиться подавлять её. Но я буду рядом. И они будут рядом, — он чуть кивнул в сторону феечек. — Мы не прогоним твою тень. Мы поможем тебе научиться жить с ней.

Я посмотре́ла на свои руки — на тонкие пальцы, на шрамы, на едва заметную дрожь, которая всё ещё жила в кончиках пальцев. Но теперь эта дрожь не казалась мне чужой. Она была моей. Как и сила, что пряталась глубже.

— Я хочу этого, — сказала я, и слова прозвучали не как просьба, а как решение. — Хочу понять, откуда она приходит, что хочет сказать, как с ней быть, чтобы не навредить ни себе, ни лесу. Хочу научиться не бояться её... и не прятаться от неё.

Адэ́йр снова кивнул.

— Тогда начнём с малого, — тихо сказал он. — Сегодня мы учились слышать. Завтра будем учиться чувствовать, где заканчивается твоё «я» и начинается дыхание леса. А послезавтра — понимать, как одно отзывается на другое. Шаг за шагом. Без спешки.

— Спасибо, — сказала я, всем им сразу.

Адэ́йр положи́л ладонь на посох, будто закрепляя этим жестом наше молчаливое соглашение.

— Теперь твоя жизнь — в твоих руках, Нимаэль, — тихо произнёс он.

Мы снова двинулись вперёд, уже не просто как путники по лесной тропе, а как те, кто делает первые шаги по новой дороге. Феечки кружились вокруг, то показывая мне особенно яркий листок, то указывая на след зайца, то просто висели в воздухе, будто хотели убедиться, что я всё ещё здесь, иду, дышу, слышу. А я шла и чувствовала, как лес понемногу перестаёт быть чужим.

Глава 9. Первый год. Ритм четырех сезонов

Год в лесу — это не просто двенадцать месяцев. Это четыре разных жизни, каждая со своим голосом, своим дыханием, своим характером. И для меня этот первый год стал не уроками по расписанию, а медленным привыканием к тому, что мир всё время шепчет, а я наконец учусь отвечать.

Осень

Осень пришла с дождями, которые не лили, а будто просеивались сквозь кроны, оставляя на земле мелкие, частые точки, как строчки письма. В тот день Адэйр впервые заговорил о языке Сильва.

— Сильва — это не просто чувство, — сказал он, сидя на корнях старого дуба и глядя, как капли стекают по листьям. — Это настоящий язык. На нём говорят духи — те, кто хранит ручьи, камни, старые деревья. У них есть слова, и эти слова нужно выучить, как учат любой язык: сначала звуки, потом фразы, потом смысл.

Я нахмурилась: — Но как они звучат? Это какие-то странные звуки?

— Они звучат как дыхание леса, — спокойно ответил он. — Вот, послушай. Когда ветер скользит по траве, слышишь этот низкий, тягучий звук? Это основа. А когда капли падают с листа на лист — это уже слоги. Сильва строится на ритме природы. И первое слово, которое ты должна выучить, — «авэйро». Оно значит «я слышу». Не «я вижу», не «я знаю», а именно «я слышу». Это слово — знак уважения. Духи не любят тех, кто смотрит и не слушает.

Мы начали с малого. С повторения звуков. Адэйр шептал, я повторяла. Сначала у меня выходило неуклюже, будто я давилась этими слогами. Но постепенно язык становился родным.

Однажды, когда я стояла неподвижно у опушки, я вдруг решилась. Я подняла голову к старому вязу, где, по словам Адэйра, жил дух-хранитель, и тихо, но чётко произнесла:

— Авэйро.

И вдруг в воздухе что-то дрогнуло — не звук, а ощущение, будто лес на секунду замер, чтобы прислушаться. А потом из глубины ствола, словно из самой сердцевины дерева, пришёл ответ — : «Я тоже слышу тебя».

Я повернулась к Адэйру, глаза у меня горели от волнения: — Он ответил! Я не придумала?

Он улыбнулся — впервые за долгое время широко, почти радостно: — Ты не придумала. Ты сказала слово на Сильва, и дух его принял. Это не просто звук. Это договор: ты признаёшь его, он признаёт тебя.

В ту осень я училась не только слышать, но и говорить. Мы разучивали фразы: «дай мне понять» — для духов земли; «покажи путь» — для хранителей троп; «сохрани это место» — для стражей камней. И каждый раз, когда у меня получалось, мир становился чуть менее чужим, а лес — чуть более живым.

А ещё в ту осень я начала слышать животных. Но не на Сильва — на другом, более тихом уровне. Их голоса приходили не извне, а изнутри, как будто звучали прямо в голове.

Как-то раз, когда я собирала грибы у поваленного ствола, в моей голове вдруг прозвучало: «Осторожно. Там змея». Голос был тонким, дрожащим — и я сразу поняла, что это белка. Не слова, а именно голос: испуганный, торопливый, но очень чёткий.

Я замерла, медленно опустила корзину и посмотрела туда, куда тянулось это внутреннее указание. И правда — среди корней, свернувшись в тугое кольцо, лежала змея.

Когда я вернулась к Адэйру и рассказала, он кивнул, будто всё шло по плану: — Вот видишь. Сильва — для духов. А с животными ты говоришь на другом языке — на языке намерения и страха, радости и голода. Их голоса звучат в тебе, потому что ты начинаешь чувствовать их так же, как себя. Это не магия слов. Это магия близости.

С тех пор я училась разделять эти два потока: когда нужно говорить, а когда — просто слушать.

Зима

Зима пришла не с метелью, а с тишиной. Лес замолчал так, что даже шаги звучали слишком громко. В один из самых холодных дней, когда иней лежал на траве, как седина, я вышла из хижины и вдруг почувствовала, как по спине пробежала странная, тяжёлая волна — не боль, не страх, а будто что-то внутри решило, что пора защищаться.

Я опустила взгляд и замерла. На моих предплечьях, там, где кожа была тоньше, проступали тёмные, плотные узоры — не вены, не тени, а настоящие древесные прожилки. Грубые, шершавые, как молодая кора. Они не были прозрачными, не были намёком. Это была настоящая кора — твёрдая, прохладная, будто взятая от старого дуба.

Я в ужасе подняла глаза на Адэйра: — Что со мной? Это болезнь?

Он подошёл медленно, без спешки, и осторожно коснулся моей руки. Его пальцы замерли на границе живой кожи и грубой коры. — Это не болезнь, Нимаэль, — тихо сказал он. — Это твоя сила принимает облик своего естества. Ты перестала отталкивать её. Ты начала принимать себя, и она больше не прячется за дрожью и слезами. Она выходит наружу, чтобы защищать тебя.

— Но я становлюсь деревом! — прошептала я, чувствуя, как паника царапает горло.

Адэйр покачал головой: — Ты не становишься деревом. Ты становишься собой. Кора появляется, когда тебе холодно или страшно, когда тело понимает, что нужно стать крепче. Это не превращение. Это броня, которую ты носишь не снаружи, а как часть себя.

Я смотрела на свои руки, на эти тёмные узоры, и пыталась не бояться. Я поняла, что кора не мешала мне двигаться и не сковывала.

А когда мороз становился особенно злым, кора покрывала плечи и спину, словно плащ из дерева. И тогда я чувствовала, как холод скользит по этой броне, не проникая внутрь.

Весна

Весна пришла с запахом сырой земли и первых цветов. В тот день всё началось не с урока, а с неловкости. Я поскользнулась на мокрой глине у ручья и, пытаясь удержаться, схватилась за острый край камня. Кожу на ладони располосовало, и боль была резкой, почти обидной — не столько от пореза, сколько от собственной неуклюжести.

Кровь выступила тонкой линией, и я уже хотела прижать рану к груди, как вдруг почувствовала не привычный жар боли, а что-то совсем другое: прохладу, лёгкое покалывание, будто по коже пробежали тонкие, живые нити.

Я подняла ладонь — и замерла. Прямо из края раны, не разрывая кожу, тянулись тончайшие зелёные побеги. Они не росли хаотично, не извивались, а лежились ровно, как стебли, аккуратно перекрывая порез, словно накладывали на него живую повязку. Через несколько мгновений рана оказалась скрыта под полупрозрачным, но плотным кружевом из побегов — они сплелись так плотно, что ни капли крови больше не проступало.

— Не трогай, — тихо, но твёрдо сказал Адэйр, который стоял в двух шагах. — Пусть они сделают своё дело.

— Они... лечат? — прошептала я.

— Да, — кивнул он. — Не магией, не чудом. Твоя сила просто знает, как тело должно заживать, и помогает ему, создавая опору. Лозы не заменяют кожу. Они дают ей время и защиту, чтобы она восстановилась сама. Смотри.

Я смотрела, затаив дыхание. Побеги, казалось, пульсировали в моем сердце. И с каждым таким «ударом» рана под ними становилась светлее, края стягивались, исчезала резкая краснота.

Через несколько минут лозы начали истончаться, будто выполнили задачу. Они не исчезли сразу, а медленно растворились, оставив на коже лишь тонкую, едва заметную зелёную линию, которая вскоре тоже пропала, не оставив ни шрама, ни следа.

— Теперь ты видела главное, — сказал Адэйр. — Лозы — это не оружие и не украшение. Это твоя забота о себе. Они приходят туда, где ты уязвима, и делают так, чтобы уязвимость не стала слабостью.

С того дня я училась не бояться этих побегов. Я поняла: они не рвутся наружу из страха или злости. Они появляются там, где есть рана — физическая или душевная, — и стараются её удержать, пока она не заживёт.

Однажды мы шли по узкой тропе над обрывом, и Кинния, не глядя под ноги, шагнула на осыпающийся край. Земля поехала вниз, и она вскрикнула, теряя опору. Я рванулась к ней, выбросив руку вперёд, и в тот же миг из моих запястий, как живые ленты, вырвались лозы. Они не обвили вокруг меня — они метнулись вперёд и крепко обхватили Киннию за талию, удерживая её над пропастью, пока Адэйр не подтянул её обратно.

Когда всё закончилось, Кинния дрожала, прижимаясь к моему плечу, а я смотрела на свои руки. Лозы ещё слегка подрагивали, будто сами не верили, что успели.

Тогда я поняла, что лозы не только могу излечивать мои раны. Я могу направлять их.

Лето

Лето принесло засуху, и лес стал тише, будто экономил дыхание. В тот день я говорила с духом земли на Сильва. Мы стояли у большого валуна, который, по словам Адэйра, был сердцем этой части леса.

— Скажи ему, — велел Адэйр. — Не кричи. Не проси. Просто скажи: «Покажи, где тебе больно».

Я положила ладонь на камень, закрыла глаза и тихо произнесла на Сильва: — Покажи, где тебе больно.

Дух земли откликнулся. Лёгкое прозрачное очертание появилось, и я услышала:

— Вода ушла. Корни страдают.

— Вода ушла, — прошептала я. — Он говорит, что вода ушла, и корни задыхаются.

Адэйр кивнул: — Теперь скажи: «Мы поможем».

Я вновь произнесла на Сильве: — Мы поможем.

И в этот раз ответ пришёл не как голос, а будто камень выдохнул с облегчением.

А потом был день, когда я впервые поговорила с оленем. Он вышел на поляну, хромая, и остановился, глядя на меня тёмными, глубокими глазами. Я не двинулась. Не позвала. Просто стояла и слушала. И вдруг в голове прозвучал его спокойный, усталый голос: «Мне больно. Я больше не могу бежать».

«Я не сделаю тебе больно», — подумала я, и лозы мягко обвили вокруг моих рук, готовые не ударить, а удержать, успокоить.

Олень не убежал. Он сделал шаг ближе. И тогда я позволила лозам мягко коснуться его раны — чтобы вылечить, и чтобы успокоить. Лозы не проникали в тело, они легли поверх, как бинт из живых нитей, и передавали тепло, спокойствие, уверенность: «ты в безопасности».

Через несколько минут олень поднял голову, посмотрел на меня так, будто узнал что-то важное, и тихо ушёл в лес.

Когда я обернулась, Адэйр стоял в нескольких шагах и смотрел на меня с такой гордостью, что мне захотелось плакать.

— Ты говорила на Сильва с духами, — тихо сказал он. — И ты слушала голоса зверей. А ещё ты научилась доверять своей силе. Лозы больше не пугают тебя. Ты не боишься своего дара. Ты принимаешь его. Ты слушаешь и слышишь.

Это был лишь первый год, а впереди ещё многое, чему мне придётся научиться.

Возвращение к огню

Осень снова пришла. Мы с жителями рощи собрались у костра. Лира кружилась над огнём, будто сама была частью пламени. Воган что-то вырезал из дерева, время от времени поглядывая на меня, чтобы убедиться, что со мной всё в порядке. Атти молча кивал, когда я рассказывала про оленя, про духов земли, про то, как лозы стали моими руками.

Позже, когда все разошлись по своим делам, я осталась посмотреть на звёзды. Адэйр подошёл и встал рядом.

— Первый год, — тихо сказал он. — Ты думала, что будешь учиться магии. А училась быть частью леса.

Я улыбнулась: — Я думала, что сила — это когда ты можешь сдвинуть гору. А оказалось, что сила — это когда ты можешь услышать, как плачет земля, и понять, что ей нужно. И когда можешь сказать духу: «Я слышу тебя», а зайцу: «Я не враг». И когда можешь довериться тем самым лозам, которые знают, как удержать и как залечить.

Он кивнул: — Да. И ещё сила — это когда ты не стыдишься своей брони. Когда ты даёшь своим лозам быть твоими руками. Когда ты говоришь на Сильва и знаешь, что тебя слышат.

Я посмотрела на свои руки. Кора почти исчезла, оставив после себя тонкие, тёмные линии — как шрамы, как узоры, как напоминание. Лозы спали, свернувшись где-то внутри, готовые проснуться, когда понадобятся.

— Я больше не боюсь, — сказала я тихо, и это было правдой. — Не того, что я становлюсь лесом. А того, что лес становится мной.

Адэйр чуть улыбнулся: — Впереди у нас ещё много сезонов. И каждый из них будет учить тебя чему-то новому.

Я снова посмотрела на звёзды и поняла: этот первый год был не просто началом. Он был тем самым моментом, когда я узнала этот мир по другому. И теперь: лес не просто говорил со мной. Он принимал меня. А я принимала его.

Глава 10. Пламя и лозы

Через год после того, как я впервые услышала лес, Адэйр стал разрешать мне ненадолго выбираться из рощи — одной, чтобы помогать лесу и продолжать познавать себя. Я шла вдоль еловой рощи и наслаждалась песней ветра. Солнце медленно садилось, оставляя яркие красные лучи заката. Никогда не перестану заглядываться на его красоту и наслаждаться нежными и тёплыми лучами.

Я взобралась повыше, на рядом стоявшую гору, и прилегла, греясь под последними лучами и слушая песнь ветра. Сама того не замечая, как стала погружаться в дремоту.

Очнулась я от резкой перемены настроения леса. Ветер, ещё недавно ластившийся к коже, теперь толкал, будто пытался меня сбросить с горы. Его нежные прикосновения резко сменились на жёсткие толчки. Трава громко зашелестела, словно шептала предупреждение, которое я не могла разобрать.

Сумерки, обычно мягкие и бархатные, стали окрашены в тяжёлый серый цвет — будто небо затянуло невидимой дымкой, приглушившей все краски.

Я почувствовала опасность — не как мысль, а как холод, который пробрался под кожу и сковал дыхание. Моё тело стало постепенно покрываться корой. Вскочив на ноги, я стала оглядываться, пытаюсь найти источник этой тяжести. Воздух вдруг стал густым, непривычно плотным, и в нём прорезался чужой, резкий запах — не хвои, не сырой земли, а чего-то едкого, чуждого этому лесу.

Я прыгнула с горы и запах пепла и крови ударил мне в ноздри раньше, чем я успела сделать несколько шагов. Лес горит и вопит от боли. Пламя ещё не охватило рощу целиком, но уже тянулось по земле, как голодная змея, пожирая мох и сухую траву.

Я бежала в сторону дуба и кричала духам, помочь сдержать огонь: «Чтоб ветер остановился, чтоб вода изменила свой ход, чтоб звери бежали, чтоб все успели спастись». Я кричала на языке Сильва, надеясь, что моё сбившееся дыхание не помешает тому, чтобы услышать меня.

Я бежала всё дальше, а моё сознание стали застилать воспоминания. Я будто перенеслась в тот момент, когда бежала из дворца два года назад. Тот ужас снова застрял комом в горле. Сердце стало бешено стучать. Его стук, будто барабаны, отзывался в висках. Я вновь стала той девочкой — беззащитной и потерянной.

Я упала, всхлипнув, и закричала:

— Адэйр!

Кора продолжала расти, замещая всё больше моего тела. Страх. Всё, что я чувствовала, был страх, густой и тяжёлый.

Пламя уже подбиралось ближе, так что я стала видеть его отсветы на горизонте — рыжие языки, жадно облизывающие стволы деревьев. И в следующий миг я услышала голос в голове:

«Вставай. Следуй за мной. Скорее».

Я подняла голову и увидела оленя — того самого, которому когда-то помогла перевязать рану. Он нервно топтался на месте, готовый сорваться в бег.

«Следуй за мной. Я покажу тебе путь», — прозвучало в моей голове, не как слова, а как приказ, который невозможно оспорить.

Я собралась и с силой вырвала себя из собственного страха. Я уже не та девочка, что была раньше. Я поднялась, вытерла слёзы и направилась за оленем. Мы бежали очень быстро, но пламя то и дело преграждало нам путь, заставляя петлять и искать лазейки между горящими деревьями.

Вдруг в оленя прилетела стрела и попала ему в спину. Олень завопил. Я бросилась к нему, вытащила стрелу и приложила к ране руки, позволяя лозам вырваться наружу. Они ложились

на рану тонкими, плотными слоями, будто живые бинты, вытягивая яд и жар, удерживая кровь, давая телу шанс не сдаться.

На фоне пламени появились фигуры. У одних были луки, у других — мечи. Их было много. Они беспощадно топтали землю, ломая корни кустов и деревьев, махая мечами, резали высокую траву, будто хотели стереть лес с лица земли.

В этот момент подоспел Адэйр. Он помог мне долечить оленя.

— Держи себя в руках, Нимаэль, — тихо, но твёрдо сказал он.

Олень, едва почувствовав, что может стоять, убежал в направлении, куда указал Адэйр, — туда, где было меньше огня и больше тени.

Я же в полной растерянности посмотрела на Адэйра, а затем на силуэты в пламени. И тут мой взгляд поймал знакомый жест на одной из теней, мелькавшей в огне. Только один эльф так поправлял волосы — быстрым, почти небрежным движением, будто сбрасывая с себя пепел. Эта фигура неумолимо быстро двигалась ко мне! Я чувствовала, как дрожит земля от его шагов, слышала, как хрустят ветки под его сапогами. Я чувствовала эту злость, густую и тяжёлую, как смола. А ещё азарт — тот самый, какой чувствует охотник, когда добыча уже не может убежать.

Адэйр обнял меня на мгновение, крепко, так, что я почувствовала его силу и его страх за меня, а потом он крикнул:

— Пора!

И тут же из-за деревьев стали выбегать жители рощи. Первым ворвался в бой Атти с клинком в руках. Его глаза горели яростью, а движения были точными и резкими. За ним ещё несколько сатиров с копьями — они неслись, будто сами были частью леса, их копыта выбивали искры из камней. Воган находился в кустах поодаль и стрелял из духовой трубки дротиками, каждый из которых нёс на себе крошечные руны, замедляющие врага. Кинния сидела на дереве, на ветке, и стреляла камнями из рогатки, целясь в руки лучников, выбивая оружие раньше, чем они успевали прицелиться.

Вышли даже звери. Медведица бросилась вперёд со свирепым рыком и повалила сразу нескольких солдат, сбив их с ног тяжестью своего тела и яростью своих когтей. Вышла стая рысей — они прыгнули в сторону Лиамара, отвлекая его и заставляя тратить силы на защиту, а не на нападение. Несколько лесных эльфов стреляли из луков за нашими спинами, их стрелы находили щели в доспехах, их лица были спокойны, будто они делали привычную работу. Остальные лесные эльфы вышли на солдат с серпами и кинжалами. С холодной уверенностью они маневрировали своим оружием не давая спуску врагам и даже тесня их.

Волки взвыли, будто призывали на помощь всех, кто способен на бой, — и казалось, что даже деревья слегка наклонили ветви, словно тоже хотели ударить врага.

Я посмотрела на Адэйра и увидела, как он держит свой посох на весу, глаза закрыты, а губы шепчут что-то вроде заклинания. Его губы не издавали звука, но я понимала, что он говорит с животными и с духами. Он призывал в бой и попутно защищал тех кто в бою. Он выстраивал невидимый щит, который не давал огню обжечь своих и перекинуться на новые участки леса.

Внезапно ветер, который ещё недавно толкал меня, будто хотел сбить с ног, вдруг изменился. Он не утих, но сменил направление, потянув пламя в сторону от старого дуба, туда, где земля была каменистой и огонь не мог разгореться. Вода из ручья, будто услышав зов, поднялась лёгкой дымкой и осела на горящие ветки, гася их, прежде чем они успевали вспыхнуть. Даже корни деревьев, казалось, шевелились, сплетаясь в баррикады, преграждая путь врагам.

Лиамар остановился, почувствовав, как лес сопротивляется ему, как каждый лист, каждый камень, каждый зверь становился на защиту. Он поднял голову, будто хотел увидеть меня сквозь дым и пламя, и в этот момент я поняла: он охотился на меня.

Адэйр открыл глаза и посмотрел на меня. В его взгляде не было ни упрёка, ни страха — только твёрдая уверенность.

— Ты в порядке? — спросил он тихо, но так, что его голос пробился сквозь рёв пламени и лязг оружия.

Я кивнула, чувствуя, как дрожь, сковывавшая тело, сменяется чем-то другим — горячей, звенящей решимостью. Я с яростью взглянула в сторону Лиамара, туда, где среди дыма и отблесков огня мелькали его очертания.

— Я не хочу оставаться в стороне! — крикнула я, и в этом крике слились и боль, и гнев, и твёрдое понимание: я больше не буду прятаться за чужими спинами.

Я коснулась земли — не ладонью, а всеми пальцами, будто хотела почувствовать каждый корень, каждую жилку, что тянулась под почвой. Лозы поползли по земле в направлении Лиамара и его солдат, извиваясь между корнями, прорезаясь сквозь сухую траву, вытягиваясь стремительно, как живые хлысты. Они оплели ноги врагов, стянули лодыжки, заставили споткнуться, упасть, потерять равновесие. Это дало бойцам леса драгоценные мгновения — они ворвались в ряды врагов, используя замешательство, и быстро одолели тех, кто оказался связан.

Те, кто успел вырваться, разбив лозы ударами мечей или растоптав их сапогами, теперь метались, пытаясь найти путь к отступлению. Но лес не отпускал легко: корни поднимались из земли, цеплялись за ступни, ветви хлестали по лицам, заставляя сбиваться с шага.

Лиамар отбил от рысей — он двигался с пугающей ловкостью, его клинок рассекал воздух, отражая прыжки зверей. Он отходил, не сводя с меня глаз, и на его лице играла безумная улыбка — не весёлая, а острая, хищная, будто он видел не битву, а долгожданную охоту.

— Я верну тебя! — выкрикнул он, и его голос прозвучал не как угроза, а как клятва, от которой по коже пробежал ледяной холод. — Ты моя!

Он сделал ещё один шаг назад, растворяясь в дыму, и вскоре его фигура исчезла среди теней и пляшущих языков пламени. Его солдаты отступали следом, кто-то кричал, кто-то спотыкался, но лес гнал их прочь, не давая остановиться.

Когда последний силуэт врага скрылся, шум битвы начал стихать, сменяясь другим, куда более страшным звуком — треском огня, который всё ещё пожирал край роши.

Наши враги бежали, но битва не была окончена. Пламя оставалось здесь, оно ширилось, тянулось к старому дубу, к самым древним деревьям, к тем, в которых жили духи, которых я только-только научилась слышать.

Мы бросились к очагам пожара. Атти и сатиры сбивали пламя ветвями, обматывая их своей мокрой одеждой, чтобы не обжечь руки. Воган и Киния собирали воду в любые ёмкости, какие могли найти, и передавали её тем, кто заливал огонь у корней. Медведица осторожно оттаскивала раненых зверей подальше от жара, а рыси кружили рядом, готовые в любой момент броситься на врага, если он вернётся.

Я опустилась на колени рядом с одним из поваленных деревьев, прижала ладони к земле и прошептала на Сильва:

— Помогите нам. Дайте воде путь.

И лес ответил. Не словами, но движением. Вода нашла свой путь под землёй, намочив почву и сделав её настолько влажной чтобы остановить огонь.

Адэйр встал рядом со мной, положил руку мне на плечо — лёгким, но твёрдым жестом, который говорил: ты делаешь правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.